

М. З. УЛАКОВ

47.832.91.3
У-26
23.09.22

**ПРОБЛЕМЫ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СТИЛИСТИКИ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
ЯЗЫКА**

НАЛЬЧИК, 1994

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ОРДЕНА ПОЧЕТА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ КАБИНЕТЕ
МИНИСТРОВ КБР

✓ М. З. УЛАКОВ

✓

ПРОБЛЕМЫ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СТИЛИСТИКИ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
ЯЗЫКА

1239928

НАЛЬЧИК
1994

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
(ИЗДАТЕЛЬСКАЯ) БИБЛИОТЕКА
Кабардино-Балкарской Республики

№ (Фонд) - 17
У 47

Печатается по постановлению Ученого совета
Кабардино-Балкарского ордена Почета
института истории, филологии и экономики
при Кабинете Министров КБР от 12 марта 1992 г.

Ответственный редактор —
кандидат филологических наук
Башиева С. К.

Рецензент —
доктор филологических наук
Джанибеков Х. С.

У 4306010100-074
М125 (03)-94 Без объявл.

ISBN 5-7680-0847-0

© Кабардино-Балкарский ордена Почета
институт истории, филологии и экономики
при Кабинете Министров КБР, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полнота и научная основательность освещения различных сторон конкретных тюркских языков неодинаковы. В тюркологии не исследованными до сих пор остаются многие вопросы лингвостилистики. Необходимость их изучения особенно ощущается в новописьменных и слабо нормированных языках, таких, например, как карачаево-балкарский.

В предлагаемой монографии впервые предпринимается попытка осветить некоторые вопросы актуальных проблем лексической стилистики карачаево-балкарского языка.

За сравнительно небольшой исторический отрезок времени лексико-стилистическая система карачаево-балкарского языка достигла уровня развитых языков и обрела новое качество. Долгое время языковой творческий процесс в ней носил стихийный характер. С расширением национальных функций и развитием внутривидовых систем карачаево-балкарского языка последовала выработка и установление его литературных норм.

Данное исследование посвящено изучению стилистических законов лексической системы языка, которые рассматриваются в тесной связи с историей, с социальными условиями жизни карачаевцев и балкарцев. В связи со сложностью и многообразием вопросов, выдвигаемых поставленной нами целью, целесообразно выделить в качестве объекта исследования одну из сторон лингвостилистики, а именно систему ее категорий, с которыми связаны и другие аспекты.

В работе затрагиваются также некоторые общетюркологические вопросы лексической стилистики. Поэтому думается, что она сможет заинтересовать не только специалистов по карачаево-балкарскому языку, но и определенный круг тюркологов.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия интерес лингвистов к изучению стилистики заметно возрос. Это обусловлено прежде всего необходимостью совершенствования стилей конкретных языков, выработки в них стабильных литературных норм, повышения культуры устной и письменной речи у носителей этих языков.

Остаются все еще не исследованными и многие вопросы лингвостилистики в тюркологии. Приемы и методы этой молодой дисциплины в конкретных тюркских языках находятся в стадии их разработки.

Трудности решения теоретических и практических вопросов стилистики тюркских языков связаны с отсутствием общетюркологических исследований, а также с неизученностью ряда общелингвистических проблем этого аспекта языкознания. В слабоизученных языках вопросы стилистики, наряду с вышеуказанными, сопрягаются с более глобальными обстоятельствами. Например, неисследованность исторического развития карачаево-балкарского языка создает большие препятствия в исследовании процесса становления и развития в нем функциональных стилей, а также в выявлении закономерностей образования его стилистической системы в целом. Этапы формирования норм и стилей языка, элементы литературности которого проявлялись еще в наддиалектных чертах общенародного языка дописьменного периода, а также процесса его стилистического размежевания, непосредственно восходят к истории этого языка. Эти обстоятельства диктуют структуру данной работы и методы исследования избранной темы.

Для современного карачаево-балкарского языкознания наибольший интерес представляет изучение его лексико-стилистического аспекта. Это связано с необходимостью теоретических обоснований ряда стилистических норм языка, регулирующих правильное словоупотребление, и на основе этого сознательно, избирательно относиться к лексическим средствам и делать практические рекомендации.

Изучение стилистической системы языка связано с

установлением тех закономерностей его развития, которые способствовали как обогащению его, так и расширению его функций, что привело к изменению характера связей национального языка с диалектами, говорами и устной разговорной речью.

В письменный период в карачаево-балкарском языке произошли большие изменения, обусловленные объективным процессом, направленным на развитие и усовершенствование наиболее ценных особенностей национального языка. В ходе этого процесса, с одной стороны, язык освобождается от устаревших, архаичных элементов, а с другой — происходит пополнение национального языкового фонда новыми лексическими единицами, которые осваиваются литературным языком. Эти новые явления отразились в первую очередь в лексике.

Современный этап развития лексики изучаемого языка характеризуется особой активизацией таких семантических процессов, как расширение значения и десемантизация слов. Модифицировалась и модернизировалась лексическая сочетаемость, расширились сферы употребления словарных единиц, исчезла их строгая стилистическая закреплённость, лексикализовались некоторые производственные формы слов, кальки и переводные лексические эквиваленты.

С демократизацией национального языка произошло сближение его литературной формы с разговорной речью и просторечием, сопровождавшееся проникновением в нормированный язык профессиональной и диалектной лексики. Поэтому при организации речи, использовании в ней лексико-стилистического арсенала слова стали приобретать нюансы, выходящие за рамки традиционного узувального их употребления.

Проблемы основных внутриязыковых задач лексической стилистики связаны с изучением соотношения активного и пассивного запасов лексики, унификацией функциональных вариантов слова, оценкой качества лексикализации их отдельных производных форм, выявлением перспективных способов фонеморфологического варьирования, использованием различных значений лексем, а также их синонимов с соответствующим эмоционально-экспрессивным оттенком и т. д.

При решении этих задач преследовались две цели — изучить эти вопросы с теоретической и практической сторон. Однако при этом мы столкнулись со слабой разработанностью теории стилей в тюркологии, наиболее ярко отразившейся на практической лексикографии. Как

справедливо отмечают лексикографы, это обстоятельство значительно затрудняет правильную стилистическую квалификацию отдельного слова, а также расстановку и упорядочение стилистических помет в тюркоязычных словарях.

Действительно, если в какой-то мере удастся установить функциональную роль той или иной словарной единицы, то охарактеризовать ее экспрессивную значимость не всегда представляется возможным. А в карачаево-балкарском языке это связано еще и с тем, что в последнее время значительная часть его лексики освоена различными видами художественной и публицистической литературы как особое экспрессивное средство, в то же время многие официальные слова адаптировались в разговорной речи и продолжают в нее все более активно внедряться. Поэтому весьма сложно проследить хронологию экспрессивной лексики и затруднительно представить цельную картину соотношения функциональных и эмотивных признаков словарного фонда карачаево-балкарского языка.

Все это отрицательно сказывается на языковой практике. Дело осложняется еще и тем, что из-за почти полного отсутствия в тюркологии теоретических работ, посвященных изучению эмоционально-экспрессивной окраски слова, эта сторона стилистической характеристики получает слабое отражение в словарях. В связи с этим в большинстве случаев в тюркологической лексикографии коннотация, или эмотивная окраска слова, либо остается невыявленной, либо не всегда верно трактуется и, как правило, не дифференцируется в функционально-стилистическом аспекте¹. По этому поводу И. Н. Шмелева пишет, что «в языковой действительности наблюдается сложное взаимодействие и переплетение обеих красок в пределах одного слова», и подчеркивает необходимость их отдельного рассмотрения².

Современные условия развития языка ускорили процесс дальнейшей стилевой дифференциации и формирования цельной системы функциональных стилей, которые, с одной стороны, объединились наборами лексических и грамматических единиц, а с другой — дифферен-

¹ *Гузев Ж. М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985. С. 162.

² *Шмелева И. Н.* Стилистическая характеристика слов с суффиксами субъективной оценки // Современная русская лексикография, 1976. Л., 1977. С. 170.

цировались, то есть за каждым стилем закрепились свои лексические, фразеологические, грамматические, орфоэпические и другие особенности. Вместе с тем исчезли некоторые стили, как например, социальные; стали забываться слабо функционирующие стилевые формы, или их общественные функции стали ограничиваться (статус так называемых домашних (семейных) языков); произошло комбинирование некоторых дописменных форм стилей. Наблюдаются и другие изменения: отдельные стили, являвшиеся в определенный исторический период доминирующими, утратили свое былое значение. Дальнейшее развитие языка проявляется в формировании современных форм стилей.

Проблема функционирования многогранной лексической системы языка диктует необходимость нормативно-стилистического использования лексем различной степени употребительности. А твердо установленные нормы использования пассивной, стилистически не нейтральной группы лексики в литературном языке пока отсутствуют. Также не определены и различные функциональные и потенциальные особенности устаревших и полностью вышедших из употребления слов.

Исследователи карачаево-балкарского языкознания пытаются разрешить проблему создания единой литературной лексической нормы для обоих регионов исследуемого языка, без чего невозможно окончательное утверждение способов реализации слова, канонизация его форм и вариантов в литературном языке. Главным тормозом в решении этой проблемы является сама специфика функционирования современного карачаево-балкарского языка, заключающаяся в сосуществовании фактически двух форм литературной нормы с адекватными или идентичными региональными статусами, что объясняется территориальной и административной разделенностью карачаевцев и балкарцев.

Проблемы стилистики актуальны и с точки зрения развития и пропаганды культуры речи. Совершенствование речевой культуры носителей карачаево-балкарского языка сегодня просто необходимо, потому что с культурой речи связывается прежде всего знакомство с возможностями, предоставленными языком для выражения определенного содержания, с нормами, регулирующими правильное употребление языковых единиц.

¹ Сулименко Н. Е. Стилистические ошибки и пути их устранения. М.; Л., 1966. С. 3.

В этой связи остро стоит задача правильности выбора лексической единицы с точки зрения оправданности, уместности, незаменимости, другими словами, для выражения того или иного содержания. Следует заметить, что ясность в этом вопросе пока отсутствует и в методической науке. Незаработанность состава и функций лексико-стилистических средств отразилась не только на методических работах, но и на издательской продукции, то есть актуальные вопросы стилистики все еще остаются вне научных и методических исследований. Из-за отсутствия собранного фактического материала слабо ведется предмет практической стилистики. В специальной методической литературе до сих пор не определены четко типы стилистических ошибок, а также не выяснены возможные пути и приемы повышения стилистической грамотности учащихся и студентов. Эти цели не затрагиваются и в данной работе. Однако проведенное исследование может помочь методистам и преподавателям родного языка осмыслить и объяснить многие стилистические ошибки, связанные с выбором слова, а также получить квалифицированную рекомендацию по отдельным трудным случаям использования лексических средств литературного карачаево-балкарского языка.

Глава I

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ СТИЛЕЙ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Становление и формирование стилей карачаево-балкарского языка началось задолго до образования его литературных норм. Характерной особенностью наиболее раннего периода исследуемого языка была его ареальная дифференциация, которая явилась следствием территориального дробления и расселения генетически родственных, говорящих на различных диалектах одного из древнетюркских языков разноплеменных групп — предков карачаевцев и балкарцев. В свою очередь, это привело к локальной дифференциации карачаево-балкарского протоязыка и постепенному появлению качественно новых диалектов и говоров старокарачаево-балкарского языка, в результате чего он приобрел функциональные формы стилей в виде пространственно-территориальных. С дальнейшим становлением и развитием национального языка происходило закрепление отдельных стилевых форм за определенными сферами деятельности его носителей. Весь этот процесс зависел от исторической функции языка, которая обуславливалась определенной социально-исторической заданностью общества. Помимо внутренних законов языка на становление и формирование стилей оказывали значительное влияние экстралингвистические факторы.

Таким образом, процесс становления и формирования стилей происходил в тесном переплетении с другими системами языка, развивавшимися исторически, стихийно, в процессе длительного функционирования в рамках речевой практики, связанного с деятельностью людей.

Долитературный период формирования карачаево-балкарского языка характеризуется бытованием в его лексико-семантической системе функционального разговорного стиля. В состав последнего входили такие под-

системы, как *уучу тил* «охотничий язык», *келишим тил* «деловой стиль», *келечи тил* «стиль сватовства», а также *сёлешиу тил* «разговорно-бытовой стиль», *къара сёз* «форма повествования», *назму тил* «стиль поэзии» и некоторые другие.

Древний метафорический «охотничий язык» отличался иносказательностью повествования, поэтому неосведомленный слушатель не мог понять завуалированное содержание речи. В формировании этого стиля были использованы приемы перекодировки обычных слов [10. 124—125]. Такой стиль функционировал во многих языках Кавказского региона. Однако в целостном виде он почти нигде не сохранился. Несмотря на это, все же в ряде современных языков элементы «охотничьего языка» до сих пор употребляются в живой речи. Например, у карачаевцев и балкарцев наиболее часто он используется животноводами в бытовом общении.

Для обстоятельного и конкретно-предметного разговора применялся «деловой стиль». Он строился по принципу: *шинжича таус, мамукъча айырыл* (букв.: «договаривайся как колючка, расходись как вата», т. е. «договор заключай строгий — расходись мирно»). Данный стиль отражал психологию собеседников и реализовывался на почве существующей этики в строгих логических канонах.

«Стиль сватовства» употреблялся в основном для обеспечения свадебных церемоний. Здесь широко проявлялась народная дипломатия, использовались изощренные приемы традиционной культуры, навыки общения карачаевцев и балкарцев. Этот стиль сочетал народную мудрость с красноречием, включая в себя здравницы, пословицы и поговорки.

«Разговорно-бытовой стиль» использовался в различных сферах деятельности карачаевцев и балкарцев. Он объединял различные лексические пласты: регионализмы, просторечия, диалектизмы, поэтому не имел строгих норм. Обеспечивая повседневные нужды носителей языка, этот стиль отличался территориально-авторским употреблением. С формированием литературного языка в письменной речи лексические средства разговорно-бытового стиля были частично упразднены. Однако некоторые писатели все еще продолжают использовать их, а отдельные региональные особенности возведены в степень нормы.

Характерно и то, что наддиалектные черты носили и «форма повествования», и «стиль поэзии». Именно они

формировали основы литературного карачаево-балкарского языка. В них отразились наиболее яркие стилевые черты национального языка, и этими формами были изложены фольклорные произведения, а также первые письменные памятники карачаевцев и балкарцев.

Что касается письменных памятников карачаевцев и балкарцев, то следует отметить, что в более ранний период становления языка мы не можем утверждать о его твердой, стабильной литературной форме. Известно, какое длительное время потребовалось мировой практике для перехода от идеографического письма к письму в узком смысле слова [19, 207—208]. Однако надо заметить, что этот вопрос своими корнями уходит в руническое письмо [5; 6; 36; 35, 17—21; 34; 37, 7—12; 27, 109—116], в коем мы находим истоки письменного стиля старокарачаево-балкарского языка. И вместе с тем отмечаем, что синкретическое развитие гомогенного разговорного языка здесь возвелось в ранг этнонимического под влиянием арабской письменности и литературы. Эту мысль подтверждают арабографичные памятники карачаево-балкарского языка [24, 97—121; 7; 22], в которых отражены некоторые лингвогенетические материалы, содержащие этнолингвистические сведения. Доказательством дальнейшего расширения сфер письменного стиля являются книги, изданные на карачаево-балкарском языке на арабской графической основе [26; 25; 2; 3]. Есть основания считать, что именно с этого периода началось закрепление письменных норм и формирование канонов литературного карачаево-балкарского языка.

Коммуникативные функции языка всегда обусловлены социально-исторической обстановкой общества. Поэтому общественные задачи языка активно воздействуют на формирование системы функциональных стилей. Так, с усилением феодальных отношений, особенно с проникновением капиталистических элементов в Карачай и Балкарию, происходит интенсивное разделение горского общества на социальные слои. Это обстоятельство обостряет классовые противоречия в данных регионах, которые влияют и на активизацию процесса социальной дифференциации языка. Имеющаяся иерархия в социальной структуре общества отражается и в языке. Таким образом, нарождаются параллельно с другими формами и альтернативные социальные стили, соответствующие запросам определенных социально-классовых сословий.

Господствующая верхушка горского общества стре-

мится обособиться от масс не только образом жизни, бытом, укладом, но и функциональным, особым стилем речи, тем самым добиваясь отражения в нем светских элементов, закрепляющих подчеркнуто обособленный уровень социального, культурного и экономического положения правящего сословия.

В результате горская аристократия формирует свою, отличную от языка бедноты форму функционального стиля. Знать не случайно свой стиль называла *ёзден тил* «язык привилегированных» или *арчу тил* «красивый язык». Ведь эта социальная форма стиля исключала из своего лексикона грубые просторечия, вульгаризмы и т. п., а некоторые некультурные бытовые наименования заменяла эвфемизмами. Для носителей «языка привилегированных» было типичным упогребление арабо-персизмов и ранних русских заимствований. Например, таких, как *жахил* «невежа», *азап* «наказание», *азат* «свобода», «воля», *дау* «иск», *жесир* «плен»; *старшина*, *пристав*, *солдат*, *пуд*, *аршин* и т. п. Было налицо стремление сословной элиты к утверждению «своего» культурного, эстетизированного словоупотребления, отражающего недостижимое для «черни» положение в обществе.

По своим функциям «язык привилегированных» противопоставлялся языку трудового народа, так называемому *кбул-кбрауаш тил* «язык бедноты» (букв.: «язык слуг-служанок») или *оспар тил* «неотесанный язык».

«Язык бедноты» в первую очередь был языком крестьянства, вобравшим все многообразие вульгарных наименований вещей и предметов. Однако, несмотря на это, именно в нем проявились исконные и собственно национальные элементы, которые отражали основную суть, природу общенародного карачаево-балкарского языка. В его стихии сложилась профессиональная лексика и народная терминология, региональные и диалектные особенности языка карачаевцев и балкарцев. Формирование «языка бедноты» было определено общественными отношениями, опиравшимися на социально-экономический базис того времени. И не случайно, что именно в нем отразились социально-экономические и идеологические противоречия, борьба между различными группами дооктябрьского времени, именно здесь нашли воплощение народные обычаи, этикет, обряды, общественная и половозрастная субординация, национальная психология карачаевцев и балкарцев.

Но и внутри «языка бедноты» происходило разделение стилевых форм по видам труда и, в особенности, как сказано выше, по половозрастному принципу.

Хотя у карачаевцев и балкарцев скоговодство было исключительно мужским делом, обработкой животного-водческого сырья занимались и мужчины, и женщины: изготовление сукна, бурок, войлочных ковров, шляп и т. п. было женским занятием [8, 2; 15, 10], а выделка ремней, принадлежностей конской сбруи, обработка дерева считались прерогативой мужчин. К последним относились охота, кузнечное и оружейное ремесло [20, 144; 31, 29]. В соответствии с этим шла и дифференциация функциональных стилей языка.

Разграничение деятельности на мужскую и женскую в горском обществе оставило след в карачаевской и балкарской литературе, особенно в прозе, отражающей до-революционный быт, где нетрудно различить речь мужчины и женщины. Например:

— *Асланкир, а марджа, бир бисмилла эт. Ярабин, бир иги танг боза бар эди. Суусабдан эсе, ол ахшы сюрдюрю эди. Къызчыкъ, боза келтирчи. Тейри, Асланкир, сен, къайгъыдан бошаб, ауузланган да болмазса. Муну бир кёрчю,— деп, гоппанны къолуна берди Смаил (Къоркъмазланы Кёккёз. Горда бычакъ. С. 9)¹.*

— *Не ишлей турасыз, Фердау? — деп, Чыккы къызы аны жол къойгъанына хурмет этди.*

— *А къыз, тюкен хапчук келген эди да, манга бу аман ботадан сора жукъ жетмей кългъанды,— деп Фердауус белинде ботасын кёргюзтдю (Теппеев Алим. Ташыуул. С. 21—22).*

Такие элементы сохранились и в современной речи карачаевцев и балкарцев. Наиболее ярко они выразились в формулах обращений (*Э киши, э къатын* и т. п.), приветствий (*салам алейкум, кюн ахшы болсун, жол болсун, кён болсун, иш къолай болсун* и т. п.), видах клятв (*оллахий, тейри, келям хакъына, аллаххакъына, атам-анам ёлмесин* и т. п.), проклятий, ругательных выражений и т. п.

В виде исключений в бытовой речи наблюдается употребление мужчинами женских вариантов лексических средств, а женщинами — мужских. Иногда эту особенность языка авторы художественных произведений ис-

¹ Цитаты из карачаевской и балкарской литературы даются в соответствии с той орфографией, которая действует в данном регионе.

кусно реализуют в характеристиках своих героев и персонажей (феминизированных мужчин и маскулизованных женщин).

Помимо подобных специальных лексических средств в речи мужчин зримо присутствует относительная свобода и вольность, которая переплетается с некоей строгостью и суровостью, речь же женщин отличается замкнутостью, скованностью, уступчивостью.

Стилевые различия наблюдаются и в речи различных возрастных групп людей. Однако в самостоятельный стиль пока выделилась только детская речь, которая складывалась не только самими детьми, но и при активном участии взрослых. Используется *сабий тил* как малышами, так и взрослыми. Вместе с тем, как показали исследования, звуки детской речи не всегда укладываются в систему языка взрослых. Детское произношение постепенно корректируется самим ребенком и «доводится» до системы языка взрослых [29, 20].

В карачаево-балкарском языке детский стиль характеризуют такие специфические слова, как *бокка* «шапка», *кока/кьолча* «рука», *кака/даддиш* «нога», *баппу* «хлеб», *ух эт* «спать», *кишиу* «кошка», *уммо* «корова» и т. п. По способу образования лексику детской речи подразделяют на три группы: «1) лексемы, представляющие собой модификацию языка взрослых; 2) самостоятельные единицы; 3) ласкательные и ласкательно-побудительные выражения» [11, 150]. Помимо лексических особенностей этот стиль отличается и своеобразием произносительного тона.

Таким образом, половозрастные стили имеют большое значение при организации речи, поэтому при исследовании языка необходимо учитывать и их особенности. Общей чертой этих форм стилей является регламентированность, ограниченность социальной основы. Поэтому они выступают дополнительными средствами общения отдельных социально-сословных и половозрастных коллективов [13, 68].

В зависимости от конкретно-исторических условий существования народа и уровня его социально-экономического, политического и культурного развития происходит дифференциация функциональных стилей языка. Эти условия оказывают влияние на язык, а порою для его развития являются определяющими. Помимо них язык дифференцируется в соответствии со сферами деятельности говорящих на нем коллективов.

Большое влияние на функции языка оказывает уровень организации общества, сознание единства происхождения, общие обычаи и обряды, национальное самосознание, устойчивые связи в производстве и быту и т. п., которые обуславливают развитие языка как единого организма [30, 138—140]. Сформированные общие религиозные представления [32, 58—66], общая мифология и общие культовые обряды отражаются в фольклоре, в котором переплетены наивный реализм народа с религиозной мистикой. Все они «часто выливаются в форму сложных мистерий с элементами декламаций, пения, танца... инструментальной музыки» [1, 87].

Таким образом, в первооснове языковые стили распределяются в виде устных форм. Это есть зачатки массовой информации в виде собраний родов, заседаний тѐре «суда», ритуальных церемоний и т. п. Фольклор же следует рассматривать как особую сферу коллективного творчества, который сформировал традиционные тексты, произведения, сохранившиеся с древнейших времен, передаваясь из поколения в поколение [23, 3], выработывая наддиалектные черты языка.

Дореволюционная функциональная стилистическая система характеризуется формированием письменного **стиля карачаево-балкарского языка**. Как уже отмечалось, основы письма этого языка начали складываться в рунических надписях и процесс их формирования был продолжен в арабописьменных памятниках карачаево-балкарского языка. Дальнейшему развитию письменного, книжного стиля способствовала литература на исследуемом языке, издаваемая на арабской графической основе, которая закрепляла письменные формы и формировала каноны литературного карачаево-балкарского языка.

Судя по скудным текстам рунического и арабографического письма, трудно представить цельную картину системы стилей старокарачаево-балкарского языка¹. По понятным причинам их всесторонняя характеристика остается малоисследованной и дискуссионной. Несмотря на это, хотя бы фрагментарно, мы можем представить основные контуры этой системы. Например, уже можно заключить, что дореволюционная история формирования и становления письменного стиля имеет три периода:

¹ Рабочий термин «старокарачаево-балкарский язык» определяет хронологический период развития языка со времени его формирования до установления литературных норм.

- 1) руническое письмо; 2) арабописьменные памятники;
- 3) издания на арабографической основе.

Большое влияние на карачаево-балкарский язык оказало и мусульманство, о чем свидетельствует бытование в нем «религиозного стиля». Как и в других языках, он имел оттенок книжности и устойчивые каноны в отличие от других видов языковых стилей. В целом язык ислама оказал большое влияние на лексику изучаемого языка [28, 100—105]. В этом плане, как отмечает В. М. Жирмунский, территории тюркоязычных народов, подвергшихся наибольшему влиянию мусульманской культуры, потеряли некоторые исконные традиции, которые были вытеснены в результате позднейшего воздействия арабо-персидских форм [18, 664]. Являясь международным языком художественной литературы, персидский язык также существенно повлиял на формирование литературных языков многих народов [9, 217], в том числе и на формирование стиля поэзии карачаевцев и балкарцев [14, 302—327; 4, 350—369].

С развитием языка, с изменениями сфер его функционирования менялись стилевые формы: появлялись новые виды, исчезали старые, третьи комбинировались. В зависимости от исторической ситуации одни стилевые формы становились доминирующими, а другие уходили в пассивный запас. Например, утратились языковые стили, отражавшие социальные группы. Слившись в основных элементах, «язык бедноты» и «язык привилегированных» образовали *бош тил* «просторечье», которое на современном этапе подразделяется на «литературное» и «нелитературное».

Некоторые долитературные стили не нашли дальнейшего своего применения: почти забыт «охотничий язык», ограничены функции так называемых «домашних (семейных) языков». С другой стороны, в годы революционных свершений был сформирован и пущен в обиход «ораторский стиль», вскоре почти себя изживший. Но с радикальными изменениями в нашем обществе «ораторский стиль» стал обретать вторую жизнь.

Общей чертой вышерассмотренных языковых стилей является функциональная регламентированность, ограниченность их социальной основы, поэтому они выступают дополнительными средствами общения отдельных социально-сословных и половозрастных коллективов [13, 68].

С началом систематического издания литературы на карачаево-балкарском языке постепенно стабилизируются

лись литературные нормы. Новые условия развития языка обусловили процесс дальнейшей стилевой дифференциации и формирование цельной системы функциональных стилей. Хотя стилевая дифференциация карачаево-балкарского языка началась задолго до формирования его литературных норм, ускорение в целом она получила лишь в послеоктябрьский период.

В советский период с созданием новой письменности в карачаево-балкарском языке произошли большие изменения, обусловленные продолжающимся объективным, целенаправленным процессом, предполагающим удержание и развитие наиболее ценных элементов национального языка и включение в единую систему литературной нормы. В ходе этого процесса, с одной стороны, молодой литературный язык освобождается от устаревших элементов, а с другой — пополняется интернациональными языковыми единицами, которые органично вливаются в литературные каноны. В связи с характерной изменчивостью лексики эти новые явления отразились в ней более заметно.

Радикальные изменения экономики, производства, общественно-политической и культурной жизни карачаевцев и балкарцев способствовали появлению новых лексических единиц и исчезновению многих реалий. Поэтому процесс изменения лексического состава карачаево-балкарского языка нельзя представлять в виде лишь количественного прироста [16, 108]. Все это поменяло характер коннотации слов, а также традиционного разграничения лексики данного языка с точки зрения активного и пассивного запаса, принадлежности к тому или иному разряду лексики. Модифицировалась природа самих устаревших слов, что, в свою очередь, повлияло на функционально-стилистическую дифференциацию некоторых стилистических разрядов лексических средств. Например, слова *чуба* «девичий корсет», *талкъы* «кожемялка», *балакъа* «орудие телесного наказания» и др. ушли в пассивный запас языка. Из активного запаса выпали также слова, обозначающие социальные сословия и титулы: *къул* «слуга», *къарауаш* «прислуга, служанка», *патчах* «царь» и др. Многие арабо-персидские ранние заимствования, типа *такъия* «шапочка, ермолка», *чагъар* «слуга», *къады* «судья» и др., в современном карачаево-балкарском языке употребляются крайне редко. Были вытеснены старые названия месяцев *Готур ай* «месяц Федора», *Башил ай* «месяц Василия», *Туккол ай* «месяц Николая» и др. русскими названиями,

а также числительные древнего балкарского чабанского, или так называемого иранского десятичного хозяйственного счета, тюркскими числительными. Указанные ряды слов отражают специфику ненормативной лексики и в художественной литературе встречаются при описании старого быта. Не прижились в данном языке и слова *саясат* «политика», *хукумат* «правительство», *табын* «класс», которые широко начали функционировать в молодой прессе в 1924—1930 гг.

Если функциональную активность слова удастся в какой-то мере определить, то охарактеризовать его экспрессивную значимость не всегда бывает легко. Это связано и с тем, что в последнее время значительная часть лексики языка приобрела оттенок книжности и освоилась различными видами художественной и публицистической речи как особый экспрессивный элемент, тогда как некоторые книжные слова адаптировались и продолжают внедряться в разговорную речь. Поэтому сложно проследить хронологию экспрессивной лексики, а в целом трудно себе представить картину соотношения функциональных и эмотивных признаков словарного фонда карачаево-балкарского языка.

Современное стилистическое расслоение карачаево-балкарского языка представляет собой картину соотношения лексических единиц по их функционально-стилистическим и эмоционально-экспрессивным признакам, что тесно связано с неоднородностью состава словарного богатства и регламентированием функционирования слов.

Дифференциация лексики языка в функционально-стилистическом аспекте соотносительна с распределением его «по основным функциональным стилям — разновидностям литературного языка, в которых состав языковых элементов, способы их применения и принцип взаимной соотнесенности определяются общим функциональным назначением в речевой коммуникации» [12, 18—19]. Поэтому только лишь на собственно лингвистической основе стили как системное образование существовать не могут. Они опираются на сферы общения и функционирования, которые определяют развитие отдельных форм стилей. Питательной средой для создания социальных элементов в современном карачаево-балкарском языке являются не только лексические единицы, поступающие из внелитературных форм речи, но и а) регионализмы, получающие социальную оценку; б) просторечно-разговорные элементы; в) устаревшие

слова, получившие новое социальное содержание; г) профессиональная лексика; д) заимствованные или «книжные» слова, характеризующие речь определенных социальных групп нашего общества [39, 13].

Социальная обусловленность литературного языка, являясь одним из компонентов в потенциальном функционировании вариантных типов, реализует пространственно-территориальные, функциональные, жанрово-стилистические и временные модификации [33, 13].

Такие стилистические формы возникают как в организации функциональной системы, так и в его внутренней структуре. Поэтому активными факторами, влияющими на дифференциацию современного карачаево-балкарского языка, являются различия в соотношении и взаимодействии устной и письменной речи, значительный удельный вес «низовых» форм языка, конкуренция нормативного и ненормативного. Сюда же относится сопряженность территориального (диалектного и регионального) и социального распределения общенародного языка.

Квалификация таких процессов осложняется приобретением некоторыми просторечиями и диалектизмами статуса литературности [17, 10—38], а также слабой нормированностью всей лексики карачаево-балкарского языка.

С демократизацией национального языка произошло сближение его литературной нормы с разговорной и просторечной, профессиональной и диалектной группами лексики. При организации речи, использовании всей совокупности лексических средств появились новые нюансы, которые выходят за рамки традиционного узувального словоупотребления. Для современного карачаево-балкарского языка характерна особая активизация таких семантических процессов, как расширение значения и десемантизация слов. Модифицировалась и модернизировалась сочетаемость лексических единиц, произошло расширение сферы их употребления, исчезла строгая стилистическая закрепленность, лексикализировались некоторые производные формы, кальки и переводные эквиваленты слов.

Для нынешнего состояния карачаево-балкарского языка типично вариативное терминопотребление, выражающееся в использовании заимствованного термина, его кальки, описательного варианта или переводного эквивалента. Поиск новых языковых средств для обозначения новых понятий и подбор наиболее приемлемых форм и вариантов слов идет непрерывно. Эти черты до-

казывают подвижность лексики во всех своих основных чертах, что осложняет ее изучение с точки зрения функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной.

На нынешнем этапе развития языка идет процесс активного развития некоторых современных функциональных форм стилей, например общественно-политического, художественно-литературного, научно-педагогического, а также разговорно-бытового, просторечного, регионального и диалектного.

Современный карачаево-балкарский язык развивается в первую очередь как язык учебников и учебной литературы. По своим параметрам и задачам учебно-педагогическим изданиям очень близка агитационно-пропагандистская литература. За последние десятилетия стала также развиваться научная и научно-популярная литература. Их дальнейшая эволюция способствует совершенствованию и унификации норм литературного языка. Все эти стили развиваются под сильным влиянием общенародного языка.

Проблема функционирования многогранной лексической системы исследуемого языка диктует необходимость нормативно-стилистического использования лексем различной степени употребительности. Твердо установленные нормы употребления пассивной и стилистически не нейтральной лексики в литературном языке пока отсутствуют. Одним из неразработанных вопросов карачаево-балкарского языкознания является лексическая норма, без определения границ которой невозможно и утверждение способов реализации слова, канонизация его форм и вариантов в литературном языке. Решение этой проблемы представляет собой уяснение вопросов соотношения нормативной и ненормативной лексики, освоения и нейтрализации заимствований, оценку качества лексикализации производных значений и грамматических форм слова, определение доминанты среди конкурирующих синонимов и дублетов, закрепления приемлемых форм окказиональных слов и варьирование ими. При этом узусно-стилистические и литературные нормы должны быть определены с точки зрения языкового сознания наших дней [38, 63] и в перспективе, с учетом экстралингвистической обусловленности функционирования карачаево-балкарского языка.

Закрепление лексических средств за определенными стилистическими формами вытекает из практических потребностей языка, которые зависят от уровня его раз-

штия. Следует заметить, что даже устойчивость, стабильность, общепризнанность и обязательность соблюдения регламентаций, литературные традиции, культурно-эстетическое восприятие функционирования и стилистической закреплённости слов являются относительно незыблемыми.

При этом, учитывая диалектику языкового развития, надо признать сосуществование речевых навыков и влияние на них внешних, социальных факторов. Необходимо признать, что любые изменения в стилистической системе являются порождением самого языка и выражают тенденцию развития последнего. Здесь необходимо иметь в виду мобильный характер диахронных диапазонов и спорадичность индивидуальных возможностей реализации лексических средств. При определении нормы и стиля нельзя игнорировать также их соотношение друг с другом. Как пишет Р. Р. Каспранский, «норма и стиль относятся друг к другу как две величины, сумма которых равна единице: это значит, что увеличение одной величины ведет к пропорциональному уменьшению другой, и наоборот» [21, 52]. Поэтому можно допустить, что стили способствуют развитию нормы, а через норму — развитию всей системы языка.

Установление норм функциональной лексики и стилистических пластов литературного карачаево-балкарского языка ведет к их дальнейшей дифференциации и размежеванию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
2. Акбаев И. Я. Ана тили. Тифлис, 1916.
3. Акбаев И. Я. Воспоминания о пророке. Темирхан-Шура, 1914.
4. Бабаев С. К. К вопросу о роли персидского языка в развитии языка балкарцев и карачаевцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7.
5. Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
6. Байчоров С. Я. Протобулгарские эпиграфические памятники пещерных могильников Кубано-Терского междуречья // Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983.
7. Байчоров С. Я. Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к болгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.
8. Баранов Е. Очерки из жизни горских татар Кабарды // Терские ведомости. 1895. № 21.

9. *Баскаков А. Н.* Развитие функциональных стилей в современном литературном турецком языке // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
10. *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
11. *Бгажноков Б. Х.* Автономная детская речь в адыгских языках // Вопросы грамматики и лексикологии кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1984.
12. *Бельчиков Ю. А.* Лексическая стилистика. М., 1977.
13. *Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М., 1987.
14. *Будаев А. Ж.* Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7.
15. *Ган К. Ф.* По долинам Черека, Уруха и Ардона // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 25.
16. *Горбачевич К. С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
17. *Гузев Ж. М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984.
18. *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.
19. *Иоганнес Фридрих.* История письма. М., 1979.
20. *Караулов Н. А.* Болкары на Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38.
21. *Каспранский Р. Р.* О соотношении норм и стиля // Сб. научной конференции // Проблемы лингвистической стилистики (Тезисы докладов 26—28 марта). М.: Московск. гос. пед. инст. ин. яз. им. М. Тореза, 1969.
22. *Кудаев М.* Опыт расшифровки Зеленчукской надписи на основе балкарского языка // Газ. «Коммунизмге жол». 1965. 14 февр.
23. *Кумахов М. А., Кумахова З. Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985.
24. *Лавров Л. И.* Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // Ученые записки КБНИИ. Т. 17. Серия историческая. Нальчик, 1960.
25. *Мадаху-н-ниса.* Оды о женщинах. Темирхан-Шура, 1911.
26. *Мечиев К.* Иман-Ислам. Темирхан-Шура, 1906.
27. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
28. *Мизиев К. А.* Об арабских заимствованиях в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Нальчик, 1977. Вып. 1.
29. *Негневицкая Е. И., Шахнарозич А. М.* Язык и дети. М., 1981.
30. *Ольдерогге Д. А.* О некоторых этнолингвистических проблемах Африки // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
31. *Остряков П.* Заметки о кустарной промышленности Кабарды, Терской области на Кавказе // Труды по исследованию кустарной промышленности в России. 1880. Вып. 5. Отд. 4.
32. *Сабанчиев Х.-М. А.* Отечественная этнография религиозных верований балкарцев во 2-й половине XIX—начале XX века. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Общественные науки). 1988. № 3.
33. *Тенишев Э. Р.* Функционально-стилистика характеристика древнейгулурского литературного языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
34. *Хабичев М. А.* О древних рунических надписях в аланских катакомбах // Советская тюркология. 1970. № 2.

35. *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именованное словообразование. Черкесск, 1971.

36. *Хабичев М. А.* О рунах и тамгах // Филологические этюды. Сер. языкознания. РГУ, 1972. Вып. 1.

37. *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.

38. *Юлдашев А. А.* Принципы составления гюрко-русских словарей. М., 1972.

39. *Ярцева В. Н.* Соотносительность региональных и социальных вариантов в плане стиля и нормы // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.

Глава II

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

I. Функциональный аспект

Проблемы стилистической дифференциации лексики в младописьменных языках, в том числе и в карачаево-балкарском, представляют большие трудности для исследователя, что связано прежде всего со слабой нормированностью, с одной стороны, а с другой — со стилистической неквалифицированностью основного лексикографического материала.

Недостаточная разработанность теории стилей препятствует расстановке и упорядочению стилистических помет и во вновь создаваемых тюркоязычных толковых словарях [6, 162].

Стилистическое расслоение языка представляет собой картину соотношения лексических единиц по их функционально-стилистическим и эмоционально-экспрессивным признакам, что взаимосвязано с неоднородностью состава лексики и регламентом функционирования слов, которые объединяются в определенные стилистические группы. Их образованию, как отмечает А. Н. Гвоздев, «способствует то, что слова не только обозначают известные понятия, но и напоминают ту ситуацию или тот стиль, в которых они наполняются разнообразными эмоциональными оттенками, отражающими их жизненное употребление» [18, 65].

Как известно, стили как системное образование не существуют только на собственно лингвистической основе. Определение функционального стиля опирается и на сферы общения. В зависимости от исторической судьбы народа, одни стилевые формы становятся доминирующими

ми, другие уходят в пассивный запас, третьи — появляются.

Хотя стилевая дифференциация карачаево-балкарского языка началась задолго до формирования его литературной нормы, ускорение она получила лишь в письменный период. Этому способствовало то, что этот процесс протекал в условиях всеобщей грамотности и политической активности карачаевцев и балкарцев, роста общественных функций их языка.

Поскольку любой литературный язык существует в двух основных формах — письменной и устной, имеющиеся в данном языке разновидности стилей реализуются соответственно в той или другой. Стилистическая дифференциация литературной лексики в основном связана с разграничением в карачаево-балкарском языке книжной и разговорной функционально-стилевых сфер. Основу лексического фонда языка составляют одинаково свободно используемые во всех функциональных стилях слова. Этот разряд называется общеупотребительной (или общелитературной) лексикой.

Дифференциация лексики карачаево-балкарского языка в функционально-стилистическом аспекте соотносительна с дифференциацией этого языка «по основным функциональным стилям — разновидностям литературного языка, в которых состав языковых элементов, способы их применения и принцип взаимной соотносительности определяются общим функциональным назначением в речевой коммуникации» [3, 18—19].

В соответствии с вышеуказанным, в лексике карачаево-балкарского языка можно выделить три основных стилистических пласта, которые в свою очередь могут быть подвержены дальнейшей дифференциации. Такое расслоение лексического состава основано на представлении в языковом сознании информантов о трех типах стилистических средств языка: 1) условно «средних», обыденных или обычных; 2) более литературных, «культурных», «вежливых», возвышенных; 3) несколько сниженных [17, 54].

Стилистически нейтральный пласт составляют преимущественно слова с прямым значением, которые называют различные предметы, явления, свойства, действия, т. е. лексические единицы, обозначающие предметы повседневного быта, встречающиеся почти во всех сферах человеческой деятельности, например: *таш* «камень», *ариу* «красивый», *узун* «длинный», *арыкъ* «худой», *ёл-«умирать»*, *кет-* «уходить», *жашиа-* «жить» и т. д. Они

лишены экспрессивной окраски и противопоставляются словам в их переносном значении, обычно окрашенным стилистически.

Нейтральные слова могут свободно вступать в различные сочетания между собой, а также со стилистически окрашенными словами, не влияя на их стилистический статус. Например: а) сочетание двух нейтральных слов: *иги китап* «хорошая книга», *ауур таш* «тяжелый камень», *кён жаша-* «долго жить», *эртте тур-* «рано встать»; б) сочетание нейтрального слова с книжным: *деменгили* (книжн.) *тау* (нейтр.) «величественная гора», *душман* (книжн.) *чапды* (нейтр.) «враг напал», *лингвистиканы* (книжн.) *айныуу* (нейтр.) «развитие лингвистики»; в) сочетание нейтрального слова с разговорным: *бир кэаурабут* (разг.) *кэызчыкэ* «одна тонконогая девочка», *картофну буштукэларгэ* (разг.) «уплетать картофель»; г) сочетания нейтрального слова с просторечным: *кэычырыучу* (прост.) *тауукэланы чачды* «петух разогнал кур», *Хаким Асланны жухуна жетдирди* (прост.) «Хаким дал Аслану по морде», *Жанхот эшекни башына берди* (прост.) «Жанхот хлестнул осла по голове».

Нейтральные слова характеризуются естественностью, простотой в употреблении, общепонятностью, доступностью и отсутствием экспрессии.

Одной из отличительных черт общеупотребительной лексики является многозначность. Как известно, при обнаружении нового предмета, явления или качества человеку свойственно переносить на него наименование уже известного, чем-то схожего с новым. При этом ранее малоизвестный признак становится основным, определяющим, характеризующим. Таким образом, в лексеме отличительно от исходного, прямого значения появляется новое, переносное значение, которое усиливает ее выразительные возможности. Однако не всякие семантические сдвиги в словах могут придавать им стилистическую окраску. В одних случаях слово остается нейтральным, в других же — разные значения слова приобретают различную стилистическую окраску. Для лексики карачаево-балкарского языка, как и для большинства языков, более закономерна тенденция стилистического расслоения слова при наличии у него нескольких значений [9, 170], чем стилистическое единство многозначного слова. Это наиболее ярко выражается, когда наименования животных, характерные им действия и признаки, а также названия некоторых неодушевленных предметов переносятся на человека, людей. В зависи-

мости от оценки традиционно-олицетворяющего образа животного в народе, в одних случаях происходит снижение стилистического уровня нейтрального исходного слова, а в других — возвышение. Примеры: *Къыямыт Федор Ивановичге: Мен бу эшекле бла бир ыйыкъдан кён туралмаз эдим* (Х. Аппаев. Къара кюбюр. С. 14). «Къыямыт Федору Ивановичу: Я бы с этими ослами не смог бы прожить более одной недели»; *Хаджибекир Таубийге: Къартлыгъымда къалай бедишлик этдинг, эшек!* (И. Боташев. Пьесала. С. 56). «Хаджибекир Таубию: На старости лет как ты меня опозорил, осел!»; *Солтан-Хамит тау эллеге айтыучеди Законланы, олтуруп. Аллыбызгъа келди аслан, Алтын гулла толтуруп* (С. Шахмурзаев. Назмула. С. 19). «Солтан-Хамит в горных селениях рассказывал о законах, сидя. К нам пришел лев, Наполнив золотой гроб»; *Тау асланла хазыр болуп чыгъыгъыз!* (фольк.). «Горные львы, выходите готовыми!» В первых двух случаях нейтральное слово *эшек* «осел» употреблено в значении «тупица, идиот, кретин, дурак», т. е. его стилистический уровень снижен; в других же двух примерах произошло возвышение стилистического уровня нейтрального слова *аслан* «лев», которое употреблено в значении «отважный, мужественный, сильный, смелый».

Подобные семантические сдвиги наблюдаются и в названиях неодушевленных предметов, в частности, названия небесных светил и драгоценных предметов в переносном значении могут повышать свой стилистический уровень. Примеры: *Кязим: Солтанбек, Мурабек, не замансыз кетдинг! Тау жулдузу батдинг!* (Ж. Залиханов. Тау къушла. С. 180). «Кязим: Солтанбек, бедняга, как несвоевременно ты ушел! Погасла горская звезда!»; *Гондай Къасайгъа: Сары алтын арбазында тургъанын кёрмеймисе?* (Ж. Залиханов. Тау къушла. С. 27). «Гондай Касаю: Разве не видишь, что червонное золото у тебя во дворе»; *Кён сёз — кюмюш, аз сёз — алтын* (Нарт сёз). «Многословие — серебро, малословие — золото».

В некоторых случаях переносное употребление слова может сопровождаться переходом его из нейтрального в разговорный или просторечный пласт лексики. Примеры: *Аминат: Сарбий тюлкю эсе, мен къуйругъума.* (О. Этезов. Тарда. С. 241). «Аминат: Если Сарбий лиса, то я ее хвост»; *Бийсолтан: Бу, Чомай, хыйлачы тюлкюдю* (Х. Байрамукова. Чолпан. С. 36). «Бийсолтан: Этот, Чомай, хитрая лиса». В данных примерах нейтральное слово *тюлкю* «лиса» приобрело разговорный оттенок.

Наблюдаются случаи перехода нейтрального слова в просторечный стиль. Ср.: *Маржан, сен керти, кбайын ана деп жер, жюген тыймагъан бир айгъыргъа айта тураса* (О. Хубиев. Жукъусуз кечеле. С. 208). «Маржан, по правде говоря, свекровью ты называешь жеребца, который не повинуется ни седлу, ни узде»; «*Айдарукъ тиширыулагъа: Сылхырла, гулала, менгиреуле* (А. Теппеев. Жюз шаптал терек. С. 7). «Айдарукъ женщинам: Тупоумные, глупые, ротозеи». В этих примерах нейтральные слова *айгъыр* «жеребец», *сылхыр* «ценнуроз (вертячка)», *гула* «энцефалит» употреблены в просторечии в значениях «сорвиголова» (об излишне шустрой девушке, молодой женщине), «полоумный, тупоумный», «глупый, дуршой».

Как видно из приведенных примеров, переносное значение слова более экспрессивно и образно, чем его прямое значение. «В прямом значении слово связано с явлением в целом и называет его, не выделяя отдельных качеств,— пишет Е. С. Бахмутова.— Переносное же словоупотребление дает не простое наименование предмета или явления, а его живописную эмоциональную характеристику. Сама новизна, необычность обозначения делает слово экспрессивным» [2, 38].

Наличие стилистических различий как в самих значениях, так и в смысловых оттенках бесспорно. «Однако вопрос о том, какое переносное значение давать в словарной статье как оттенок, а какое — как самостоятельное значение, решен... во многих случаях крайне спорно» [7, 32]. Поэтому во многих тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, не все переносные значения и оттенки значений слов получили правильную стилистическую квалификацию.

Лексическую основу литературного карачаево-балкарского языка составляют преимущественно нейтральные слова, естественно, они занимают доминирующее место. С двух противоположных сторон нейтральной лексики определились книжный и обиходно-бытовой стилистические пласты. Первый, по сравнению с нейтральным, составляют возвышенные, второй — сниженные слова.

Книжный стиль представлен в основном словами с прямым и переносным значениями, новообразованиями, а обиходно-бытовой — словами с переносными значениями и с ограниченной сферой употребления (за исключением терминологии). Книжная лексика употребляется в научном, учебно-педагогическом и газетно-публи-

инстическом стилях как в письменной, так и в устной форме.

В связи с тем, что литературные традиции карачаево-балкарского языка сравнительно молоды, научный стиль еще не завершил процесса своего становления и поэтому определение границ между книжными и нейтральными словами сопряжено с трудностями.

Основу книжной лексики карачаево-балкарского языка составляют производные значения многих слов общелитературной лексики, а также советизмы, заимствования и кальки из русского языка. Они, по сравнению с нейтральной лексикой, воспринимаются как «повышенная или утрированная» лексика (Черемисин. 1966. С. 47). К книжному стилю относится и терминология, которая явилась результатом создания письменности и установления норм литературного карачаево-балкарского языка. На основе материальных ресурсов родного языка с использованием готовых русских грамматических терминов за короткий срок создана необходимая лингвистическая терминология. Например: а) *башчы* «подлежащее», *хапарчы* «сказуемое», *басым* «ударение», *бёлюм* «слог», *ат* «существительное», *сыфат* «прилагательное», *алмаш* «местоимение», *байлау* «союз», *сёзлюк* «словарь»; б) алфавит, синтаксис, фонетика, грамматика, морфология и др.

В рамках языка и стиля средств массовой информации растет и развивается общественно-политическая терминология, в упорядочении которой большую роль сыграло издание словарей общественно-политических терминов карачаево-балкарского языка¹. В последнее время ведутся исследования и по теоретическим проблемам этой лексики [12, 101—106].

Научный стиль в карачаево-балкарском языке широкого развития еще не получил. Это связано с ограниченным количеством публикуемой на родном языке соответствующей продукции. К тому же имеющиеся статьи носят в основном учебно-педагогический характер. Научные труды с других языков на карачаево-балкарский язык почти не переводятся. Все это тормозит развитие отраслевой и технической терминологии. Вместе с тем следует отметить, что лексика, связанная с традиционными занятиями карачаевцев и балкарцев,

¹ Орус-малкъар политика-терминология сёзлюк / Сост. Кациев Х. Х., Малкондуев Х. Х. Нальчик, 1961; Русско-карачаевский словарь общественно-политической терминологии. Черкесск, 1980.

т. е. отраслевая терминология, все же собрана и изучена¹.

Основу обиходно-бытовой лексики составляют разговорные, просторечные, устарелые слова и историзмы, а также слова с ограниченным употреблением. В отличие от книжных слов, обиходно-бытовым словам присуща некоторая раскованность, непринужденность, яркая экспрессия. Они в основном употребительны в сфере обиходно-бытовой речи.

Обиходно-бытовая лексика реализуется в основном в устной форме языка, тогда как книжные слова преимущественно употребляются в письменной речи. Однако как книжный стиль, являясь языком письма, функционирует и в устной речи, так и разговорно-бытовой стиль используется и в письменной форме языка.

Несмотря на то, что книжный и обиходно-бытовой стили противопоставляются по присущим каждому из них специфическим чертам, отличающих их друг от друга и от нейтральных слов, в языке они существуют во взаимосвязи и взаимодействии. Исследователи, отмечая в последнее время сближение разговорной речи с книжной, говорят об этом «как о важном стилистическом сдвиге» в языке [4, 27].

Стилистические группы слов различны по своему происхождению и сфере функционирования. «Они несут и неодинаковый стилистический «заряд», однако всех их объединяет возможность и традиция использования в речи со специальными стилистическими целями» [10, 108].

Из всех групп слов, составляющих обиходно-бытовую лексику, наиболее близки к нейтральным разговорные слова. И всё же они в строго деловой, официальной письменной речи не употребляются [9, 158].

«Наиболее общими специфически-стилевыми чертами разговорного стиля,— как отмечает М. Н. Кожина,— являются непринужденный и даже фамильярный характер речи... глубокая эллиптичность, чувственно конкретизированный... характер речи, прерывистость и непоследовательность ее с логической точки зрения, эмоционально-оценочная информативность и эффективность»

¹ *Жаннуев А. А.* Термины земледелия в карачаево-балкарском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1974; *Огаров И. М.* Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материале названий одежды и обуви): Дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1974; *Улаков М. З.* Термины животноводства в карачаево-балкарском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

[10, 210]. В настоящее время в связи с коренными изменениями соотношения быта и труда, демократизацией ряда профессий и большой дифференцированностью производства сферы функционирования разговорной речи расширились. Расширилась ее тематика, а ее рамки стали «гораздо более зыбкими и неопределенными, чем рамки «бытовой речи» [4, 18, 26]. Это дало возможность широко использовать разговорные слова в художественной речи, в форме диалогов и монологов персонажей, в которых содержится квинтэссенция типичных черт и концентрация функционально-стилистической специфики разговорного стиля.

Любой литературный язык, как справедливо отмечает Ф. П. Филин, «не может состоять только из одних нейтральных, стилистически однородных средств выражения» [16, 20]. Следовательно, в нем должны найти место и другие стилистические группы слов, в том числе и ограниченные по сфере использования, поэтому процесс функционирования некоторых просторечных слов в литературном языке как средств сниженной речи с высокой эмоционально-оценочной нагрузкой принят положительно (Там же). Однако преувеличивать роль стилистически сниженных элементов в художественном произведении не следует. Положительный эффект создаст в художественной литературе лишь часть обиходно-бытовой лексики. И вместе с тем необходимо бороться с засорением литературного языка грубыми просторечными и жаргонными словами. Поэтому, по мнению многих исследователей, следует различать «два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка; 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает» [15, 7]. Следовательно, необходимо различать литературное просторечие от внелитературного. В связи с неоднородностью функциональных компонентов состава просторечия выделяются две группы слов [16, 20]. «К первой относятся многозначные слова нейтральной или разговорной лексики, одно (чаще) или несколько переносных значений которых имеют большую экспрессивность, образность, эмоционально сниженную окрашенность... Вторую группу составляют слова, употребляющиеся только как просторечные» [6, 30], которые имеют синонимы в разных стилистических группах языка. Ср., например: *тыкѡла*- «жрать», *буштукѡла*- «уплетать» и *аша*-«есть»; *бетсин*- «краснеть» и *уял*- «стесняться»; *ую*-

«дрыхнуть» и *жукъла*- «спать»; *чёгеле*- «присесть» и *олтур*- «сесть» и т. д.

Внелитературное просторечие составляют слова, не соответствующие фонетическим и грамматическим нормам литературного языка. Их «образованный человек не может употребить ни при каких обстоятельствах» [16, 22]. Они в основном не могут быть использованы в художественной речи и в перспективе, «по мере полного освоения всем населением норм литературного языка» (Там же), обречены на отмирание. К ним относятся такие слова, как *гумот/гумхот/хамхот/гимхот* (лит. фор. *гемхот* «морда»); *кёргюч*- (лит. фор. *кёргюз*- «показать»); *юсдюр*- (лит. фор. *юскюр*- «натравить»); *эштилт*- (лит. фор. *эштдирт*- «докричаться»); *турдур*- (лит. фор. *тургъуз*- «поднять») и др.

Как видно из примеров, просторечные формы, обладая резкой стилистической окраской, обязательно соответствуют стабильным и нейтральным эквивалентам литературного языка [5, 111], тогда как разговорные слова могут иметь и не иметь литературного варианта.

Просторечия, в отличие от разговорных слов, менее употребительны в литературном языке, хотя статус литературного просторечия и разговорной разновидности литературного языка одинаковый [16, 20]. Близость последних групп слов объясняется тем, что сферы их функционирования находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, в результате чего некоторые просторечные элементы частично утрачивают присущие им «стилистические свойства как способ выражения крайних эмоциональных оценок» [6, 31].

Разговорные и просторечные слова одинаково понятны всем носителям языка. В устной нормированной речи они несут большую эмоционально-стилистическую нагрузку. В естественном разговоре они никакой стилистической нагрузки не несут. В художественной литературе просторечия могут быть использованы для характеристики персонажей и героев произведений. Применение этой лексики без стилистической нагрузки в авторской речи художественных произведений свидетельствует о ее широкой экспансии [11, 65].

Специфика существования карачаево-балкарского языка — ее разъединенный (территориально два административных региона) характер функционирования диктует возникновение и бытование в литературном языке регионализмов. Это полноправные литературно нормированные слова, лишь ограниченные региональной сфе-

рон употребления. В карачаево-балкарском литературном языке они имеют два основных равноправных варианта. В основном регионализмы бывают лексические: *ауана* (балк.) / *кёлекке* (кар.) «тень»; *юзмелт* (балк.) / *тилезик* (кар.) «клок чесаной шерсти»; *элхууур* (балк.) / *ахшол* (кар.) «шуга, ледоход» и т. п., и лексико-фонетические: *бабуш* (кар.) / *банпуш* (балк.) «утка»; *жыккыр* (кар.) / *чыккыр* (балк.) «бочка»; *улху* (кар.) / *ултха* (балк.) «взятка»; *гардош* (кар.) / *картоф* (балк.) «картофель» и т. п. [6, 10]. Кроме того, бытуют и такие регионализмы, которые не имеют своего соответствия, т. е. функционируют только в одном из регионов [14, 193]. Например, в Карачас не употребляется старинный балкарский чабанский счет, или так называемый иранский десятичный счет (*дууа* «два», *чынар* «четыре», *ысхыз* «шесть», *ас* «восемь», *дыс* «десять» и т. д.), а также некоторые половозрастные названия овец (*зада* «овца от двух до трех лет», *узада* «овца от трех до четырех лет», *уртузада* «овца от четырех до пяти лет» и др.). Отсутствие у последних литературного эквивалента в другом регионе объясняется их слабым функционированием в языке и экстралингвистическими особенностями региона.

Употребление регионализмов в устной или художественной речи сопровождается приданием контексту своеобразного стилистического колорита.

Специфично также использование в литературном языке устаревших слов и историзмов. Как известно, они относятся к пассивному запасу языка. В основном эти слова обозначают устаревшие вещи и явления, а также являются устаревшими названиями современных вещей и явлений [9, 104]. В речи или тексте они употребляются преимущественно тогда, когда описываются предметы или явления прошлого. В обычной речи они «воспринимаются как старинные и непривычные» [1, 50]. Несмотря на то, что сфера их функционирования с каждым днем все сужается, некоторая часть этих слов понятна современным носителям языка и частично упогребляется в художественной литературе для характеристики прошлого или какого-нибудь исторического момента, а также персонажей и героев произведений, представителей прошлых веков. Отдельные из этих слов способны включиться в общелитературную лексику как носители особых экспрессивных оттенков, а многие из них постепенно выходят из употребления.

Из групп ограниченной лексики по своей функцио-

нальной уости выделяются диалектизмы. Это местные названия предметов и явлений, имеющие в литературном языке иные наименования или отличающиеся от соответствующих литературных слов лишь определенными особенностями своего звукового строения, не зависящими от специфики фонетической системы диалекта и литературной речи [6, 11]. Ср.: *зюдюр* (лит. *к̄ара на-нык̄*) «ежевика», *фулме* (лит. *бук̄ю*) «мучная пыль», *хаман* (лит. *хаман*) «баня», *к̄барыца* (лит. *к̄баура*) «стебель растения», *цыфцык̄* (лит. *чыпчык̄*) «птица» и т. п. Несмотря на то, что диалектные слова находятся вне литературного языка, отдельные из них способны проникать в общелитературный язык и закрепиться там. Например: *юлкю* «куст», *шёндю* «сейчас» и др. Основная часть лексико-фонетических и лексико-семантических диалектизмов, как и часть просторечий, в перспективе обречены на отмирание. Диалектизмы могут быть использованы в художественной литературе для речевой характеристики героя и персонажа произведения. Однако они малопонятны всем представителям других ареалов общенародного языка.

Стилистическое расслоение любого языка наиболее ярко проявляется в структуре синонимических рядов, ибо стилистическая значимость членов этого ряда в основном всегда различна. Ведущее место здесь занимают представители нейтральной, общеупотребительной лексики, которой противопоставляются представители книжной и обиходно-бытовой стилистических групп. Ср., например: *тамамла-* (книжн.) / *толтур-* (нейтр.) / *битдир-* (разг.) «выполнить».

В один стилистический ряд могут включаться слова, однородные по своей стилистической окраске, например: *хораз/адак̄а/гугурук* «петух».

Одним из важных функционально-стилистических особенностей синонимического ряда является его возможность иметь в своем составе слова, отражающие различные стилистические пласты лексики с разной стилистической окрашенностью и разными функциональными способностями. В синонимических группах соотношение таких слов может быть самое разнообразное, в одних — доминируют общеупотребительные, в других — обиходно-бытовые. Примеры: *хораз/адак̄а* (лит. балк.) / *гугурук* (лит. кар.) / *к̄зытай* (ч. диал.) / *гугурукку* (разг. кар.) / *к̄зычырычу* (прост.) «петух»; *жугар* (лит. балк.) / *кюрек* (лит. кар., ц. диал.) / *беккяхын/бел* (ч. диал.) «лопата»; *аша-* (нейтр.) «есть, кушать» / *ауузлан-* (разг.)

«перекусить» / *кѡал-* (разг.) «уписывать» / *буштукѡла- / тыкѡла-* (разг.) «уплетать» / *сокѡ-/кѡысдыр* (прост. балк.) / *быстыр-* (прост. кар.) «наворачивать» / *бекле- / тюрт-* (груб. прост.) «жрать» / *сюрт-* (груб. прост.) «лопата»; *ур-* (нейтр.) «бить, наносить побои» / *жетдир-* (прост. усилит.) «задать, лупить» / *бекле-* (прост. усилит.) «мутузить» / *сокѡ-* (обих.-разг.) «дубасить» / *бер-* (прост. усилит.) «утюжить» / *шипер-* (ц. диал. груб. прост.) «хлестать».

В выразительных целях в поэзии, в пословицах и поговорках члены разных синонимических рядов могут состоять в антонимических отношениях. Причем противопоставляться могут не только доминанты, но и любой член синонимического ряда по своему значению к любому члену другого синонимического ряда. Ср., например: *иги / ахшы* «хороший» / *аламат* «прекрасный» / *айтхылыкѡ* «превосходный, распрекрасный» / *тауушлукѡ* «чудесный, отменный» / *мажал* «лучший» / *доюн* «сносный» / *хайырлы* «прибыльный» / *кѡыйматлы* «значительный» / *магѡаналы* «весомый» и *аман* «плохой» / *осал* «неважный» / *доюнсуз* «негодный» / *хайырсыз* «бесприбыльный, пустопорожный» / *кѡыйматсыз* «никчемный» / *магѡанасыз* «бесполезный».

Языковые антонимы встречаются во всех стилистических пластах. Они содействуют более полному раскрытию возможностей слова, наиболее полному охвату его значения. Использование контекстуальных антонимов характерно, как правило, для языка художественной литературы.

Таким образом, основными вопросами изучения функционально-стилистического расслоения лексики карачаево-балкарского языка являются вопросы синонимических и вариантных отношений между языковыми средствами. Именно отбор той или иной формы слова из имеющихся в общенародном языке вариантов и синонимических единиц ложится в основу данной проблемы. Этот отбор зависит не только от лингвистических факторов, но и от социальной и территориальной среды. Следовательно, стилистическая дифференциация лексики языка связана с двумя основными факторами — экстралингвистическими и внутриязыковыми. Внешние факторы содействуют ускорению процессов дифференциации лексики, а внутренние — их завершению и всеобщей нормализации языка.

Несмотря на то, что четкие границы между стилистическими пластами карачаево-балкарского языка еще не

установлены, их основные контуры уже определены, а активный процесс установления норм функциональной лексики и стилистических пластов ведет к их дальнейшей дифференциации и размежеванию.

Функционально-стилистическая дифференциация является результатом становления, укрепления и развития функционального разнообразия и расчлененности лексики карачаево-балкарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаева Л.* Лексическая стилистика узбекской художественной литературы. Ташкент, 1979.
2. *Бахмутова Е. А.* Выразительные средства русского языка. Казань, 1967.
3. *Бельчиков Ю. А.* Лексическая стилистика. М., 1977.
4. *Винокур Т. Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
5. *Граудина Л. К.* Разговорные и просторечные формы в грамматике // Литературная норма и просторечие. М., 1977.
6. *Гузев Ж. М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984.
7. *Гузев Ж. М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985.
8. *Ефимов А. И.* Стилистика русского языка. М., 1969.
9. *Калинин А. В.* Лексика русского языка. М., 1966.
10. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
11. *Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
12. *Отаров И. М.* Развитие общественно-политической лексики в периодической печати (на материале карачаево-балкарского языка) // Язык и массовая коммуникация: (Социологическое исследование). М., 1984.
13. *Тхаркахо Ю. А.* Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. Майкоп, 1982.
14. *Улаков М. З.* Происхождение некоторых регионализмов в карачаево-балкарском языке // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: (Тезисы). Уфа, 1985.
15. *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка // ВЯ. 1973. № 2.
16. *Филин Ф. П.* О просторечном и разговорном в русском литературном языке // ФН. 1979. № 2.
17. *Черемисин П. Г.* Опыт исследования стилистической синонимии. Орел, 1966.
18. *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1965.

II. Эмоционально-экспрессивный аспект

В теоретическом плане эмоционально-экспрессивная окраска лексики тюркских языков, в том числе и карачаево-балкарского, совершенно не изучена. «Нет не толь-

ко монографических исследований, но и сколько-нибудь значительных статей, посвященных этому виду стилистической окраски лексики» [5, 163]. Данная проблема лучше разработана в русском языкознании, где уже сложилось несколько разных мнений об особенностях эмоционально-экспрессивных стилистических средств языка. Взгляды ученых в этом вопросе расходятся на соотношение экспрессивного и эмоционального в слове. Одни из них эти категории считают тождественными, другие — истождественными, третьи понятие эмоционального включают в понятие экспрессивного, четвертые категорию эмоциональности исключают из понятия экспрессивности. Мы разделяем мнение И. Н. Худякова, который считает, что «экспрессивное выступает вторичным по отношению к эмоциональному, его производным. Эмоциональное — не часть экспрессивного, а средство создания экспрессивного и как средство не может отождествляться с экспрессивным, не входит в отношения части и целого. Эмоциональные средства языка всегда экспрессивны» [12, 79].

Эмоционально-экспрессивные слова представляют собой разновидности высоких и сниженных стилистических средств языка. Они составляют значительную часть карачаево-балкарской лексики.

На эмоционально-экспрессивную окраску слова накладывает отпечаток его значение, которое содержит элемент оценки. Это значит, что номинативная функция слова осложнена экспрессивностью.

В зависимости от контекста и речевой ситуации эмоционально-экспрессивная окраска слова может видоизменяться, однако ее общая эмоционально-экспрессивная окрашенность всегда сохраняется [5, 164]. Примеры: *Залимликни кётюралмай, Пролетарла кёондула. Къылыч уруп, къан тёгюп, Зорчуланы сокъдула* (Х. Темноев. Хорлаулары жырлары. С. 43). «Не выдержав гнета, Восстали пролетарии. Ударив мечом и пролив кровь, Уничтожили эксплуататоров»; *Еуа ары айландыр да бас, бери айландыр да сокъ!* (З. Зокаев. Солуу кюн. С. 43). «Давай и туда лупить, и сюда мутузить!»; *Хызыр докладында кесини аллында сёлешген экеуленни да аяусуз сокъду* («Коммунизмге жол»). «Хизир в своем докладе вовсе разнес обоих выступивших перед ним»; *Къургъакъ къаялары, ташлары сакъ жауун согъа ётген таула* (Къ. Кулиев. Жер китабы. С. 25). «Горы, по сухим скалам, камням которых прошелся тихий дождь».

Эмоциональность слова выражает чувство и настроение

ние говорящего, его субъективное отношение к объекту речи. Эмоциональная окраска слова может выражать положительную или отрицательную оценку, передающую различные оттенки чувства. Примеры: а) *аттяка* «дедуля», *анняка* «бабуля», *ариука* «красотка», *къаракъаш* «чернобровый», *чырайлы* «симпатичный», *жигит* «удалец»; б) *ауузачыкъ* «разиня», *диммо* «тупица», *уллубыдыр* «брюхатый», *танкыбаиш* «пустоголовый», *уллукай* «верзила», *эршикай* «грязнуля» (о детях)».

Экспрессивность слова может быть ингерентной, т. е. экспрессия может заключаться в семантике самого слова, или адгерентной, т. е. экспрессивность приобретается словом в определенном речевом акте.

Ингерентная экспрессивность может содержаться как в номинативном, исходном, основном, прямом, так и в переносном, производном, вторичном, деривационном значениях слова. Здесь слово выступает в форме оценки обозначаемого явления или оценки, выражающей отношение.

В связи с неоднородностью эмоционально окрашенной лексики, одни слова обозначают отрицательные или положительные состояния, качества, явления, вызывая этим у получателя речи определенное эмоциональное отношение к предмету названия, при котором создается своеобразная атмосфера эмоциональной оценочности. Однако они не могут сообщить слушателю отношение говорящего к объекту и намерение последнего сделать что-либо [10, 143]. Это такие слова, как *хорлам* «победа», *къууанч* «радость», *ачыу* «горе», *жарсыу* «печаль» и т. п., которые «обладают ореолом эмоциональной оценочности и принадлежат к ассоциативно-стилистической лексике» (Там же). Другие же слова с положительными и отрицательными оценочными значениями вместе со словами с предметным содержанием (например, *ариука* «красотка», *анняка* «бабуля», *уллука* «верзила», *уллубыдыр* «брюхатый» и т. п.) способны сообщать слушателю об эмоциях речи говорящего, которая содержит непредметную информацию. Эта лексика характеризует отношение говорящего к предмету речи.

По своей природе сама информация об отрицательной или положительной оценке предмета неоднородна. Во-первых, это характеристика с точки зрения его достоинств: доброкачественности, соответствия требованиям. К такой лексике принадлежат слова типа *иги* «хороший», *чырайлы* «симпатичный», *аман* «плохой», *тэли* «дурной» и т. п. Во-вторых, это оценка предмета

речи с точки зрения его желательности/нежелательности, нужности/ненужности, полезности/вредности. Ср., например: *махтаулу* «похвальный» — *айыплы* «предсудительный», *кбууанчлы* «счастливый» — *жарсыулу* «печальный», *жараулу* «полезный» — хаталы «вредный» и т. п.

Когда ставится вопрос о соотношении функционально-стилистических и эмоционально-оценочных окрасок, в первую очередь обсуждается зависимость положительной оценочности от книжной окраски, а отрицательной оценочности — от разговорной [10, 144]. Однако, как отмечает М. В. Панов, «слова высокого стиля далеко не всегда называют предметы, оцениваемые положительно... С другой стороны, и слова сниженных стилей очень часто не вносят в речь никаких отрицательных оценок» [9, 6].

Как показывают стилистические изменения в лексике карачаево-балкарского языка, процесс перехода нейтральных слов в разряды возвышенных и сниженных продолжается. Слова, перешедшие из нейтральных в книжную лексику, функционируют в менее окрашенной форме, тогда как перешедшие в низкие стили слова приобретают яркую просторечную или разговорную окраску. Ср., например: книжные *эсгерме* «памятник», *жамауат* «общество», *излем* «поиск» и просторечные *диммо* «туница», *лохбай* «бездельник», *кбансыз* «худой, истощенный». Употребление данных слов в контексте не позволяет судить об их признаках как стилистически окрашенных, поскольку остается неясным, внесена ли в них подозреваемая у слова информация им самим или синтаксическими, интонационными средствами, описанием или прямым названием соответствующих обстоятельств. Разные тексты также не дают возможности судить о том, существует ли в сознании тот или иной признак слова. В действительности стилистические признаки слова, т. е. представление автора речи о признаках слова, не выводятся из типических контекстов, а устанавливаются на основании языкового чутья и подбираются ему соответствующие контексты [10, 82].

Эмоционально окрашенную лексику карачаево-балкарского языка в основном можно разделить на группы слов с положительными и отрицательными эмоциями.

Слова с положительными эмоциями в свою очередь подразделяются на уважительно-эмоциональные, ласкательно-эмоциональные и хвалебно-эмоциональные.

Группу слов с отрицательными эмоциями можно диф-

ференцировать на бранно-эмоциональные, ироническо-эмоциональные и уничижительно-эмоциональные.

Положительная эмоциональная лексика

Положительные эмоциональные слова отражают доброжелательные экспрессии говорящего к предмету речи.

а) Уважительная эмоциональная лексика.

Уважительные эмоциональные слова выражают почтительное, уважительное, вежливое, дружеское, официальное отношение автора речи к адресату. В художественной литературе они могут служить также для выражения иронии, просьбы, подхалимства, гордости, утверждения превосходства и т. д.

Это такие слова, как *акъсакъл*, *тамата*, которые выражают почтительное обращение, уважительное отношение к мужчинам пожилого возраста. Примеры: *Комиссар: Акъсакъл, башха затлагъа болун, сормай турама, элибизде хал къалайды* («Шуёхлукъ». 1969. № 2. С. 93). «Комиссар: Почтенный, будучи занятым разными делами, я не мог спросить, какова обстановка в нашем селе»; *Биймырза мыртазакъгъа: Эй! Амандан туугъан, тамата тигим этсе, эки къолунг бла ала тур* (Х. Аппаев. *Къара кюбюр*. С. 16). «Биймырза стражнику: Эй! Плебейский сын, когда почтенный подает угощение, следует брать двумя руками».

В форме уважительного обращения к неродственным людям могут быть использованы некоторые термины родства. В отношении к старшим младшими употребляются слова *атам* «отец (мой)», *анам* «мать (моя)», а к пожилым — *анпа* «дедушка», *амма* «бабушка». Примеры: *Врач: Атам, сёзюю бёлмей тынгыларгъа айтхан эдинг да?* («Шуёхлукъ». 1969. № 2. С. 87). «Врач: Отец (мой), ты ведь обещал слушать, не прерывая меня»; *Къыз, къарт къатынга жер къоя: Амма, былай олтур* («Коммунизмге жол»). «Девушка, уступая место старушке: Бабушка, садись сюда».

Для выражения дружеского отношения между неродственными ровесниками употребляются слова типа *къарындашым* «брат (мой)», *эгечим* «сестра (моя)». Примеры: *Обур къатын Сосурукъгъа: Къарындашым, манга болушмасанг, ишим кыртыды* (Фольк.). «Ведьма Сосуруко: Брат (мой), если не поможешь, дела мои пло-

хи»; *Жолоучу тиширыугъа: Эгечим, эфендини юю къайсыды?* («Коммунизмге жол») «Путник женщине: Сестра (моя), дом муллы который?»

К младшим взрослые люди обращаются словами *жашым* «сын (мой)», *къызым* «дочь (моя)», а пожилые — обычно *балам* «дитя (мое)». Примеры: *Къарт: Жашым, ол эки къабырны эслеймисе?* (Х. Шаваев. Кюйген тап. С. 27). «Старик: Сын (мой), видишь ли те две могилы?»; *Къарт кзатын жашха: Балам, тюз ичимден чыкъмагъанлыкъгъа, сен сабийлеримден башха туююлсе* (Фольк.). «Старуха мальчику: Дитя (мое), хотя тебя не я родила, ты для меня как свой».

Как видно из примеров, в подобных случаях термины родства употребляются с аффиксом принадлежности 1-го лица.

Известно, что для большинства тюркских языков употребление уважительной формы *Сиз* «Вы» было мало характерно [1, 119]. С возрастанием культурного уровня карачаевцев и балкарцев и изменением социальных и бытовых отношений в их среде стало традицией при обращении младших к старшим, а также в уважительном общении, вежливом обращении употребление местоимения *сиз* «вы» в новом качестве. Примеры: *Сафар Жарахматович бригадирге: Ишигизни кимден да Сиз иги билесиз. Алай сабийле да, сансыз этгенигизни билселе, аланы бир кюн да колхозда тыяллыкъ туююлсюз.* (А. Теппеев. Отлыкъ ташла. С. 91). «Сафар Жарахматович бригадиру: Работу свою Вы знаете лучше любого. Но если дети почувствуют, что Вы их игнорируете, то их в колхозе не удержите ни одного дня»; *Исса Исмаилович, биз Сизден кечгинлик тилерге келгенбиз* (М. Шаманова. Окъа бёрк. С. 45). «Исса Исмаилович, мы пришли просить у Вас прощения».

В нынешнее время слова типа *жюйсхан* «господин» и *бийче* «госпожа» потеряли свое первоначальное значение вежливого обращения подвластных к хозяевам. В художественной литературе они употребляются для характеристики дореволюционного времени. Например: *Къарашауай ханнга: Энди, жюйюсхан, жаныуар марарыкъ эсек, кюнню кеч этмейик* (С. Теппеев. Къарашауай бла Ерюзбек. С. 30). «Къарашауай хану: Теперь, господин, если думаем охотиться, не надо тянуть время»; *Къарауаш Гошаяхха: Бийче, бетинг бир бек амин болгъанды* («Коммунизмге жол»). «Служанка Гошаяху: Госпожа, (ты) сильно изменилась в лице» (букв.: «лицо твое стало плохо»).

В современной обиходно-бытовой речи подобные обращения могут употребляться с оттенком иронии, пренебрежительности. Например: *Солтан бандитге: Сен а, жюйюсхан, энди кѳолубузгѳа тѳюшме* (А. Узденов. Саният. С. 154). «Солтан бандиту: А ты, господин, больше в наши руки не попадайся»; *Кѳайын анасы келинине: Бийче, кѳайда да кѳолунгу сууукѳ суугѳа иш тѳийирисе* («Коммунизмге жол»). «Свекровь невестке: Госпожа, смотри, не дотрагивайся до чего-либо (не выполняй какую-либо работу)».

Слово *бийче* по отношению к хозяйке дома употребляется как хвалебное обращение или с оттенком иронии — при обращении мужа к своей жене. Примеры: *Сабыр Ариубатха: Бийче, сыйлачы бизни* (З. Зокаев. Солуу кюн. С. 60). «Сабыр Ариубат: Госпожа, угости нас, а»; *Жансох кѳатынына: Бийче, энди кѳайынларынга иги кѳара, кѳеллерин ал* («Коммунизмге жол»). «Жансох к своей жене: Госпожа, теперь за моими родственниками ухаживай хорошо, угождай им».

В советский период в карачаево-балкарском языке, как и во многих тюркских языках, официальной формой обращения стало слово *жолдаш* «товарищ»: *Башир: Жолдашла, сиз жыйырманчы ёмюрню бет жарыкѳлы адамларысыз* («Шуёхлукѳ». 1970. № 4. С. 58). «Башир: Товарищи, вы являетесь передовыми представителями двадцатого века»; *Душман санга кѳатылгѳынчы, Сен, кѳарыуунг тохтагѳынчы, Болуш, жолдаш, кѳыралынга!* (С. Шахмурзаев. Назмула. С. 57). «Пока враг не полез на тебя, Пока есть у тебя силы, Помогай, товарищ, своей стране!»

Таким образом, в карачаево-балкарском языке по давно сложившейся традиции уважительная эмоциональная лексика занимает видное место в устной и письменной речи.

б) Ласкательно-эмоциональная лексика

Ласкательно-эмоциональные слова в карачаево-балкарском языке используются в основном применительно к людям и (реже) животным. Эта категория слов более употребительна по сравнению с другими видами эмоциональной лексики.

Ласкательные эмоциональные слова в большинстве случаев служат одним из языковых средств передачи нежности, ласковых отношений говорящего к объекту речи. Они образуются с помощью ласкательных и умень-

шительных аффиксов от различных основ: 1) терминов родства (*балачыкъ* «дитяtko», *къызчыкъ* «девочка», *жашчыкъ* «мальчик», *аттяка* «дедуля», *анняка* «бабуля» и т. п.); 2) переносных значений названий некоторых животных, драгоценных предметов и вещей, небесных светил, цветов и т. п. (*алтынчыкъ* «золотце», *жулдузчукъ* «звездочка», *къозучукъ* «ягненок», *къундузчукъ* «бобренок», *жанкъозчукъ* «подснежник» и т. п.); 3) названий некоторых частей тела и органов человека (*жанчыгъым* «душенька (моя)», *жюрекчигим* «сердечко (мое)»); 4) некоторых слов с положительной семантикой, а также с различным оценочным значением (*суюгенчигим* «любименький (мой)», *ариучугъум* «красивенький (мой)», *гитчечигим* «маленький (мой)» и т. п.). Как видно из примеров, помимо аффиксов уменьшительности и ласкательности, здесь участвуют и аффиксы принадлежности 1-го лица, которые усиливают эмоциональную окрашенность. Некоторые ласкательно-эмоциональные слова могут образовываться лишь с помощью аффиксов принадлежности 1-го лица, например: *алтыным* «золото (мое)», *ариуум* «красивый (мой)», *жаным* «душа (моя)» и т. д.

в) Хвалебно-восторженно-эмоциональная лексика

Слова, относящиеся к этой группе лексики, служат для выражения желания, радости, похвалы, полной удовлетворенности чьим или каким-либо поступком, состоянием кого-либо, а также восторга, восхищения, упоения, экстаза, удивления, изумления. Это такие слова, как *аперим* «хвала», *махтау* «слава», *машалла* «браво», *жигит* «молодец», *эркек* «мужчина» и т. п. Примеры: *Мухтар Хасанга: Шохум, жигит жаш болуп къайытханса аскерден, кесинги да къёюрегинг дуу жанады, аперим* («Ленинни байрагъы»). «Мухтар Хасану: Друг мой, ты вернулся из армии добрым молодцем, да и грудь твоя вся горит, хвала»; *Уллу къыралыбызны сыйлы чеклерин сакълап тургъан совет аскерлеге бюсюреу, махтау!* (Къарачай тил бла литературадан программала. С. 53). «Хвала, слава советским воинам. охраняющим священные рубежи нашей страны!»

В контекстуальном значении сюда могут быть причислены некоторые слова с высокой оценочностью, в том числе и прилагательные превосходной степени. Например: *Аны (Чайковскийни) тауушлукъ музыкасы бийик малкъар таула ичинде бютюн да алапат эди* (Ж. За-

лиханов. Жаннган жюрекле. С. 174). «Его (Чайковского) изумительная музыка среди высоких балкарских гор звучала еще прекраснее»; *Чынтты жазычуларыбыз эм закий назмучуларыбыз да бардыла* (Шуёхлукъ. 1971. № 4. С. 37). «Есть у нас замечательные писатели и талантливые поэты».

Отрицательная эмоциональная лексика

Слова с отрицательной эмоциональной окраской открыто выражают грубо осудительное, укорительное, бранное, презрительное или скрыто-шутливо-насмешливое, ироническое, неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное отношение говорящего к предмету речи или адресату.

а) Бранная эмоциональная лексика

По сравнению с другими видами отрицательной эмоциональной лексики (иронической, презрительной, укорительной, неодобрительной, насмешливой, пренебрежительной, уничижительной) бранная лексика характеризуется специфичным именно для нее отрывом от действительности в употреблении, причем, как отмечает Е. Ф. Петрищева, полным отрывом [10, 169].

Трудности стилистической квалификации бранных слов возникают особенно при рассмотрении их вне контекста. Одно и то же слово в разных ситуациях может быть употреблено по-разному — как бранное и не имеющее бранного характера. Контекст может придать бранное звучание не только слову с каким-нибудь отрицательным значением, но и слову с нейтральным предметным содержанием. «Отрицательная оценка, — как предполагает Н. Д. Арутюнова, — обладает большей тенденцией к отрыву от свойств референта, чем оценка положительная. Окончательный отрыв от действительности превращает отрицательную оценку в ругательство (имеется в виду ругательство-определение). Ругань выражает только отрицательное отношение говорящего к объекту оценки (обычно адресату). Она не нуждается ни в основании, ни в критерии оценки» [2, 231].

Эмоционально окрашенные лексемы типа *эринчек* «лодырь», *хомух* «слабак», *жаншакъ* «болтун», обозначая предмет и те или иные чувства, эмоции говорящего,

выполняют две функции — номинативную и экспрессивную.

Такие бранные слова, как *гула*, *сылхыр*, *шайтан* и т. д., заключают в себе сведения не об обозначаемом предмете, а о предмете, к которому они применимы в бранных целях. Круг предметов, которые можно ими обругать, очень широк.

В связи с тем, что в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, понятие рода выражается лексическим способом, дифференциация слов по полу ярко наблюдается и в бранной лексике. Здесь большую группу составляют слова, указывающие на отрицательное поведение, характер, позорящий признак человека. Например, для характеристики легкомысленности женщины используются слова *гатча* «сука», *кѣахме* «проститутка», *гажай* «шлюха», *кѣанчыкъ* «потаскуха», *саякъ* «гулящая женщина», а также бранные диалектизмы типа *ходийнак* «уличная женщина (девица)», *кѣахарме* «публичная, продажная женщина (девица)». Ср. эвфемизм этих слов *тыйгъысыз* «легкого поведения (о женщине)».

Отрицательно характеризуют мужчину слова *кѣызбай/кѣызтеке/кѣызукку* «женоподобный», *кѣатын* «баба, бабообразный», *кѣоркѣакъ* «боязливый, пугливый», *кѣымпыкъ* «трусливый», *кѣлсюз* «слабак, слабовольный, слабохарактерный» и др.

На непристойное поведение, неприличный характер женщины указывают такие слова, как *айгъыр* «неудержимая, неукротимая (о женщине)», *озгъур* «чертовка», *кѣкбет* «злюка, злючка», *кѣамамагъан* «бесстыдница» и др. Подлость и низость женщины характеризуют слова *кѣуртха* «зловредница», *тилчи* «сплетница», *кѣарабауур* «злостная, злонамеренная» и др. Последние два слова могут быть (реже) употреблены и в отношении к мужчине. Однако в народе традиционно закреплено, что эти качества более присущи женщине. Поэтому для выражения подлого нрава мужчины чаще употребительны бранные значения слов *ынгхыл* «ехида, аспид», *сѣзю* «зво-наръ, трепло, болтун».

В бранном значении оскорбительно для мужчины звучат слова *баикес* «палач», *мурдар* «убийца», *фасыкъ* «гадина» и ряд других, указывающие на жестокость, бессердечность, безжалостность, беспощадность, бесчеловечность.

В бранном значении могут употребляться слова, указывающие на отрицательный признак в поведении, вы-

зывающие всеобщее презрение, например: *ичгичи* «алкоголик, пьяница, выпивала, пьянчуга, запивоха», *уручу* «вор, ворюга», *гудучу* «жулик, мошенник», *кѣаукѣалакѣ* «бездельник, лентяй, лоботряс, шалопай» и др.

У некоторых бранных слов отмечается ложная мотивировка [10, 175]. Сюда относятся бранные значения некоторых наименований животных: *тонгуз* «свинья» — символ нечистоплотности, но не подлости и низости, *эшек* «осел» олицетворяет невежество, глупость, упрямство, а не капризность, вычурность, как и в других языках. Символом капризности и вычурности у карачаевцев и балкарцев является *кѣадыр* «мул» и т. д.

Семантика слова сохраняется в случае, когда она имеет оскорбительное значение, например: *бурунбокѣ* «сопляк», *хыштынай/хыштыка/хыштай* «неряха», *жантакѣ* «кривой, искривленный».

Бранные значения имеют слова, обозначающие изъяны, пороки, недостатки в ком-либо, например: *кѣакѣырау* «косоглазый», *баймакѣ* «страдающий плоскостопием», *чолакѣ* «беспалый» (*Аллыгда тургѣанны да кѣрмессе, сен кѣакѣырау*. «Косоглазый, ты не увидишь даже то, что лежит (стоит) перед тобой»; *Жукѣгѣа кѣолу жарашмагѣан, чолакѣ*. «Ни к чему не пригодный, беспалый»). Здесь нет общности между исходным и бранным значениями слов. Отрицательные эмоции — лишь повод для оскорбления, унижения. Эти слова, как результат стремления оторваться от действительности, в речи достигают своей цели в конкретном тексте.

Многие бранные лексические единицы создаются иллюзорно, они вызываются семантической структурой соответствующего слова, включающего в себя, помимо предметного содержания, большое пренебрежительное, презрительное экспрессивное значение, например: *гыбышы кимилди* «незаконнорожденный», *итден туугѣан* «рожденный от собаки», *алмосту* «с сильно разлохмаченными волосами (о женщине)», *бодуркѣу* «мучело, пугало» и т. д.

Некоторые адресаты, к которым направлены бранные слова, могут не обладать содержащимися в последних признаками. Употребление их зависит не только от отношения говорящего к объекту, но и от поведенческой характеристики самого автора речи.

В речи в форме бранностей могут прозвучать многие небранные слова, экспрессивные свойства которых не оправданы ни объективно отрицательным характером предметов, к которым они применены, ни субъективным

отрицательным мнением говорящего, ни их внутренней формой [10, 176]. Такие эмоциональные языковые единицы резко отличаются от пренебрежительно, презрительно и т. п. окрашенных слов. Они имеют контекстуальный характер и у них следует различать бранный оттенок, руководствуясь только языковым чутьем, что бывает порой не всегда просто. Большая трудность в этом плане создается в тех случаях, когда на разного рода признаки слова наслаиваются и бранные их свойства.

Бранная лексика включает в себя много неприличных, пошлых или вульгарных нелитературных слов, которые здесь не рассматриваются. Они более характерны для устной речи особенно мужчин и в художественной литературе широко не используются.

б) Ироническая эмоциональная лексика

Иронические эмоциональные слова правильно относятся к отрицательной лексике, потому что в них заключается насмешка, высмеивание, тонкое издевательство, которые выражаются в скрытой форме. Поэтому зачастую трудно бывает уловить их основное, прямое значение.

Основная часть иронических единиц является значениями соответствующих слов. Они в языке твердо закреплены как иронические. Одни из них могут выражать оскорбление или насмешку, например: *желбыдыр* «пузан», *кзурукъ* «каланча», *шобура* «верхотура (верх головы)» и др. Эти единицы выражают эмоцию иронии в более грубой форме. Другие, например типа *файгъамбар* «святой», *профессор* «важный», *чанка* «белая кость», шутливо высмеивают повышенное самомнение объекта, его поведение. Третьи характеризуют изменения в действиях, поступках человека, ср.: *тирил-* «воодушевляться», *шошай-* «стать шелковым», *жорт-* «идти быстро», *къантар-* «выдуть» и т. д.

Некоторым ироническим словам присущ оттенок небрежного отношения, например: *шайтансуу* «возлияние», *шайла* «финансы, капиталы»; *тырналгъан* «царапина (рана)», *тыкыр* «лапа (рука)».

Многие нейтральные слова могут выполнять эмоционально-экспрессивную функцию. Например: *Олтурады ханым, патчахым*, «Сидит мой князь, царь»; *Жангы кзуллукуъчугъа: Келди жангы аллахыбыз*. «Новому начальнику: Пришел наш новый господь».

Здесь ясно чувствуется саркастическая улыбка и ненависть говорящего к предмету речи. «Слова этой категории,— пишет Л. Абдуллаева,— ...казалось бы, выражают уважение, превосходство, возвышенность. Но на самом деле они приобретают значение, противоположное буквальному смыслу, отрицающее его или ставящее под сомнение» [1, 138—139]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что для достижения цели при отсутствии специальных эмоционально-экспрессивных слов в речевой ситуации главную роль играют интонация и подтекст.

Таким образом, ироническая лексика служит для передачи тонких отрицательных эмоций в скрытом виде, маскируя цель говорящего шушливой формой речи. В этом большую роль играет наличие элемента образности.

В отличие от других видов эмоциональной лексики, ироническая может широко употребляться в художественной литературе.

в) Уничижительная эмоциональная лексика

Эта лексика состоит в основном из слов, семантика которых включает в себе отрицательные эмоции, чаще пренебрежение. Уничижение достигается акцентом на каком-нибудь недостатке объекта, которым чаще является человек. Такие слова, как *зыккыл* «оборванец», *жалангач* «голь», *кёнчексиз* «голоштанник», *ушхуурчи* «нахлебник», в основном указывают на слабое материальное состояние человека. Другие уничижительные слова, а именно такие, как *хауле* «бродяга, подзаборник», *кюлтыпыс* «бездельник», *жатагъан* «лежебока», передают понятия «не занятый ничем», «не устроенный никуда», «ленивый».

Некоторые уничижительные слова могут отражать человеческие изъяны, например: *къолан* «причудливый, причудник, капризный, с причудами», *малхуния* «одурелый», *чолакъ* «не умелый, не ловкий на руки (букв.: беспальный)», *чончакъ* «кривобокий» и т. д. Адресаты уничижительных слов не всегда обладают этими недостатками. Такие слова выражают отрицательную оценку действий, поступков.

Уничижительное значение слову может придавать аффикс *-ка/-кай*, обладающий таким значением [11, 49], например: *гудука* «воришка», *уллука/уллукай* «верзила», *эршика/эршикай* «страшенький», *кирлика/кирликай*

«грязнуля», *быдыркъай* «брюхатый» и др. Эти уничижительные слова очень близки к словам, выражающим иронию. Видимо, их сближает то, что у них имеется смягчающий элемент, который в данном случае достигается с помощью уменьшительно-уничижительного аффикса.

Функцию эмоционально окрашенных уничижительных слов могут выполнять и сложные единицы речи, компоненты которых объединены ассоциативно (*аууза-чыкъ* «разиня», *къаурабут* «тонконогий», *уллубыдыр* «брюхатый», *танкыбаш* «тупоголовый» и т. п.), придавая контексту яркую образность.

Употребление многих бранных и грубых слов отрицательной эмоциональной лексики нежелательно в литературной речи. За редким исключением, они могут использоваться в публицистике — для выражения негодования или в художественной литературе — как средство речевой характеристики персонажа. Однако в этих случаях, и даже в устно-бытовой сфере общения, употребление таких слов должно быть ограниченным и строго стилистически мотивированным [3, 1983, 130].

Степень экспрессивной окрашенности слова окончательно можно определить лишь в контексте. В определенных условиях нейтральные слова могут восприниматься как высокие и торжественные; единицы высокой лексики могут приобретать ироническое значение; бранное слово может прозвучать ласково, а ласковое — презрительно [4, 65].

В художественной речи слова получают дополнительные значения, побочные смысловые оттенки, которые обогащают их экспрессивную окраску [8, 46]. Таким образом, с появлением у слова новой экспрессивной окраски происходит расширение ее семантического объема.

Экспрессивность контекста усиливается при использовании переносного значения слова, основанного на ассоциативных или репрезентативных признаках, связанных с его основным значением. Яркая экспрессивность и образность здесь достигаются функциональной двуплановостью слова, для которого «характерно сосуществование, параллелизм основного и переносного значений, выражающийся в своеобразном наложении на прямое значение переносного, которое как бы проецируется на первое и является понятным только потому, что выступает на фоне первого» [6, 110]. Примеры: *алтын* «золото» и *алтын* «золотой (о хорошем человеке)»,

аслан «лев» и *аслан* «лев (о смелом и отважном мужчине)», *тюлкую* «лиса» и *тюлкую* «лиса (о хитром человеке)», *эшек* «осел» и *эшек* «осел (о невеже, невежде)» и т. д. Психологической основой новых экспрессивных значений этих слов служит ассоциация или сочетание представлений в сознании людей, определяющих черт, характерных качеств обозначаемого [13, 134]. Отсюда видно, что метафоризация способствует развитию эмоционально-экспрессивных оттенков слова [4, 65].

Ингерентной экспрессией окрашены также слова, употребляющиеся только в переносных значениях. Прямые, первоначальные значения их передают описательные выражения, поэтому они, как правило, не фиксируются словарями. Это такие слова, как *башсыз* «глупый» (прямое знач.: «не имеющий головы, крыши, покрышки и т. д.»), *тилсиз* «немой» (прямое знач.: «не имеющий языка»), *ауузсуз* «бессловесный, молчаливый» (прямое знач.: «лишенный способности речи»), и др.

Яркую экспрессивность слову в тюркских языках способны придавать некоторые аффиксы. К их числу в карачаево-балкарском языке относятся аффиксы наличия или обладания и отсутствия, а также уменьшительно-ласкательные. Они выражают экспрессию говорящего, его объективное или субъективное отношение к предмету речи.

Аффиксы наличия и отсутствия придают слову оценочность, которая дополняет семантическое направление исходной основы положительной или отрицательной эмоцией, например: *чырайлы* «симпатичный», *адепли* «воспитанный, уважительный», *къарыулу* «сильный», *огъурлу* «добрый», *къылыкъсыз* «невоспитанный», *бетсиз* «бессовестный», *акъылсыз* «глупый, неумный», *керексиз* «ненужный», *сыйсыз* «нечестивый» и др.

Не всегда аффиксы обладания выражают положительную оценочность, а аффиксы отсутствия — отрицательную. Ср., например: *боранлы (кече)* «буранная (ночь)», *булутлу (кюн)* «пасмурный (день)», *ачыулу (иш)* «печальный (случай)», *шарайыпсыз (адам)* «(человек) без изъянов», *телисиз (эл)* «(село) без юрдивого», *ауруусуз (къарт)* «(старик) лишенный болезней», *жарсыусуз (кезиу)* «(время) без печали, забот», *айыплы (иш)* «позорное (дело)» и т. п. Как видно из примеров, наибольшую экспрессивность слову придают аффиксы отсутствия, особенно, когда они выражают отрицательную оценочность.

Большой экспрессивностью наделены также уменьшительно-ласкательные аффиксы. Они выражают ласковое отношение говорящего к предмету речи. Примеры: *Къызыккъ*: «*Анняка келеди!*» — деп чанды. («Коммунизмге жол»). «Сказав: «*Бабуля идет!*», девочка побежала»; «*Келчи, ариучукъ, манга*» — деп солдат *къызыккъны кбойнуна алды* («Коммунизмге жол»). «Сказав: «*Иди ко мне, красивенькая*», солдат взял девочку на руки».

Однако уменьшительно-ласкательная форма слова может служить и в уничижительных целях. Примеры: *Председатель трактористге: Жашчыкъ, бу сыйынг бла тохтасанг, игиди кесинге* («Шуёхлукъ». № 72. С. 29). «*Председатель трактористу: Мальчик, для тебя будет лучше, если прекратишь на этом*»; *Анасы жашына: Апнака, сен не хар затха оноу этесе?* «Мать сыну: Дедуля, чего ты распоряжаешься всем?»

Из приведенных фактов видно, что эмоционально-экспрессивная лексика карачаево-балкарского языка используется в устной и художественной речи для выражения различных эмоций, преследуя определенные стилистические цели.

Как показывает анализ материала, с точки зрения экспрессивной окраски обиходно-бытовая лексика является более компактной, чем книжная [3, 55]. Однако поскольку экспрессивность слов, принадлежащих к разным стилистическим типам, в большей мере зависит от ситуации, правомерно представлять их эмоциональную окраску в функциональном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаева Л.* Лексическая стилистика узбекской художественной литературы. Ташкент, 1979.
2. *Арутюнова Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
3. *Бельчиков Ю. А.* Лексическая стилистика. М., 1977.
4. *Голуб И. Б.* Стилистика современного русского языка. М., 1976.
5. *Гузев Ж. М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985.
6. *Ефимов А. И.* Стилистика русского языка. М., 1969.
7. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
8. *Ларин Б. А.* О разновидностях художественной речи // Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
9. *Панов М. В.* О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.

10. *Петрищева Е. Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.

11. *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.

12. *Худяков И. Н.* Об эмоционально-оценочной лексике // ФН. 1980. № 2.

13. *Шагдаров Л. Д.* Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.

Глава III

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОРМА И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

I. Изменение лексических норм карачаево-балкарского языка

В советский период произошли большие эволюционные изменения в словарном составе литературного карачаево-балкарского языка. Это связано с продолжающимся объективным, целенаправленным процессом, предполагающим развитие наиболее ценных элементов национального языка и включение их в единую систему литературной нормы. При этом литературный язык, с одной стороны, освобождается от устаревших, консервативных элементов, а с другой — пополняется интернациональными единицами, которые органично вплетаются в литературную норму языка. Поэтому процесс изменения его лексического состава в советское время нельзя представлять себе в виде лишь непрерывного количественного прироста [1, 108].

Лексика карачаево-балкарского языка в послеоктябрьский период, как и других тюркских языков, обогатилась в основном за счет двух источников: 1) внутренних ресурсов — словообразование, калькирование, расширение значения слова, ввод диалектной и разговорной лексики; 2) внешних ресурсов — заимствования иноязычных слов из русского или через его посредство [2, 163]. «Процесс заимствования иноязычных слов,— пишет К. М. Мусаев,— был бурным в начальный период послеоктябрьского развития ряда тюркских языков, и в настоящее время он заметно ослабел, уступив главенствующую роль словообразованию и калькированию» [2, 163].

О развитии и способах обогащения лексики карачаево-балкарского языка написано несколько научных статей [3].

Коренное изменение экономики, общественно-политической и культурной жизни карачаевцев и балкарцев, с одной стороны, обусловило создание новых лексических единиц, а с другой — привело к исчезновению многих реалий, что вызвало ликвидацию обозначавших их слов. Это — *чуба* «женский корсет», *талкзы* «кожемялка», *ышым* «ноговица», *чабыр* «горская обувь с плетеными из кожи подошвами», *мерке* «сосуд вместимостью в 16 кг» и др.

Вновь начали конкуренцию старые названия месяцев: *Тотур ай* «месяц Федора», *Башил ай* «месяц Василия», *Луккол ай* «месяц Николая», а также древний балкарский чабанский или так называемый иранский десятичный хозяйственный счет [4, 165].

Ушли из современного карачаево-балкарского языка многие арабо-персидские ранние заимствования, как, например, *такъия* «шапочка ермолка», *чагар* «слуга», *мискъал* «мера веса, равная 4,8 г», *кемек* «помощь», *тереке* «наследство», *къадиий* «судья», *олий* «повелитель» и др. Некоторые из них, типа *шаркъз* «восток», *шейит* «шнит, павший на священной войне», *алхам* «название первой суры Корана», *зекят* «жертвоприношение», *мубарек* «благословенный, счастливый», *балакъа* «орудие телесного наказания (прут для наказания слушателей медресе)» и др. [5, 302—327], перешли в пассивный запас языка. В художественной литературе они употребляются при описании старого быта. Отдельные из них встречаются в пословицах, поговорках и идиомах. Слова *ражан* «название седьмого месяца мусульманского календаря» и *рамазан* «название девятого месяца мусульманского календаря» в современном карачаево-балкарском языке закрепились как собственные имена: *Ражан*, *Рамазан*.

Из активной лексики выпали слова, обозначающие социальные сословия, титулы, чины: *патчах* «царь», *бий* «князь», *къул* «слуга», *къарауаш* «служанка» и т. п.

В 1924—1930 гг. карачаево-балкарская молодая пресса широко употребляла слова *саясат* «политика», *хукумат* «правительство», *хурриет* «революция», *табын* «класс», *мектеп* «школа» и др., которые вскоре были вытеснены своими соответствующими переводами-эквивалентами. До сих пор конкурируют в карачаево-балкарском языке из того же ряда слова *адабият* «литература» и *маданият* «культура».

Чтобы не внедрять в родной язык заимствования, часть интеллигенции 20-х годов навязывала далеко не

адекватные слова и описательные выражения для замены проникших из русского языка лексем. Например: *шайтан арба* «велосипед», *от бугъа* «паровоз», *от арба* «машина» и т. п. Однако это течение не приобрело большого размаха и не сумело укорениться в карачаево-балкарском языке.

В советское время, как отмечает К. М. Мусаев, процесс заимствования тюркскими языками арабских и персидских слов прекратился и наступил момент оттока этих заимствований [2, 181—182].

Следует отметить, что заимствования на современном этапе проникают из русского языка или через его посредство. Они осваиваются через печать и в отличие от старых заимствований, которые подвергались значительной деформации и подчинялись произносительным нормам национального языка, новые сохраняют орфоэпические нормы языка оригинала [6, 14].

Современная устная разговорная речь карачаевцев и балкарцев характеризуется употреблением большого количества русских заимствований по сравнению с письменной формой языка. Возникновение смешанной речи обуславливается социолингвистическими условиями контактирующих языков и этническими процессами в жизни общества на современном этапе.

Употребление заимствованных слов в устной речи и в диалогах персонажей художественной литературы увеличивает экспрессивную нагрузку контекста. Например: *Заурбек Элмуханнга: Бусагъатдагъы тёлюню сен иш этме, оноуларына къошулсанг, сизни, эски адамланы, бусагъатдагъы жашаудан ангылауугъуз азды деп, атакабат этип тебирейдиле.* «Заурбек Элмухану: Нынешнюю молодежь не сравни, как начинаешь вмешиваться в их дела, вас, старых людей, начнут атаковать, упрекая, что, мол, не разбираетесь в современной жизни» (Х. Шаваев. Бир жашауну минг бети. С. 275).

Мен жашырмайын, ачыкъ этейим

Сегизи кетип, тогъузун,

Атказ эталмаз, белги бергенди

Ат къылдан этген къобузун

«Я, не скрывая, открою

Отсчитав восемь, девятый

Отказать, (мне) не сможет, дал (он) в знак

Гитару, сделанную из конского волоса».

(Фольк.)

В настоящее время, особенно в балкарском регионе, распространено диалектное двуязычие (иначе диглоссия), т. е. владение двумя системами — диалектной и литературной. Здесь наблюдается два типа двуязычия: активное, когда носители диалекта могут говорить и на диалекте, и на литературном языке, и пассивное, когда говорят обычно на диалекте, а литературный язык лишь понимают [7].

Особенностью современного литературного карачаево-балкарского языка является функционирование в нем аббревиатур, что «представляет собой одно из новых явлений в развитии лексики тюркских языков в послеоктябрьский период» [2, 172]. Это понятные широким массам сокращенные слова. Некоторые аббревиатуры являются сокращениями переводов на карачаево-балкарский язык, которые приобрели равный литературный статус с первыми: *АБШ* «США», *КъМИИИ* «КБНИИ», *КъМКъУ* «КБГУ» и др.

С помощью русского языка карачаево-балкарский язык выработал определенную систему научной терминологии, которая уже приобрела свои традиции употребления, но не завершила процесса своего становления. Идет развитие языка учебников и учебной литературы вместе с общественно-политической терминологией. Основу научной терминологии карачаево-балкарского языка составляют производные значения многих слов общелитературной лексики, а также советизмы, заимствования и кальки из русского языка.

Для современного терминопотребления характерна вариантность, т. е. использование заимствованного термина, кальки, описательного варианта, переводного эквивалента родного языка. Поиск новых языковых средств для обозначения новых понятий, а также выбор наиболее приемлемой формы, варианта слова идет непрерывно.

Современный этап развития лексики карачаево-балкарского языка характеризуется особой активизацией некоторых семантических процессов, в частности расширением значения, метафоризацией и десемантизацией слова. [1, 109]. Модифицировалась и модернизировалась сочетаемость слов, произошли изменения в их стилистической окраске. Этому способствовало изменение качеств и условий употребления слов: расширение сферы использования, исчезновение строгой стилистической закреплённости, лексикализация многих грамматических форм слова, а также калек и переводных эквивалентов. «Для

литературного языка наших дней,— пишет П. Н. Шмелева,— типичен процесс расширения состава нейтральной лексики за счет стилистического обесцвечивания смежных лексических пластов: так называемая книжная лексика широко входит в массовый речевой обиход, следствием чего оказывается ее нейтрализация, в книжные стили литературного языка и язык художественной литературы интенсивно внедряются слова стилистически сниженные и вовсе нелитературные, в результате чего также возможна их нейтрализация» [8, 27].

Таким образом, с широкой демократизацией национального карачаево-балкарского языка произошло сближение его литературной нормы с разговорной и просторечной, профессиональной и диалектной группами лексики. Однако это вовсе не означает, что теперь стало возможным употребление любого слова в любой языковой ситуации. При организации речи, использовании всей совокупности языковых средств следует учитывать новые нюансы изменения в норме литературного языка с учетом традиционных форм словоупотребления. Эти проблемы при работе над лексической стилистикой требуют обсуждения вопросов полисемии, синонимии, паронимии и антонимии. Задача выбора нужного слова, или его формы, адекватно выражающего смысл понятия, уместного в данном контексте и в данной ситуации, зависит не только от внутриязыковых фактов, но и от экстралингвистических нюансов.

Основные внутриязыковые проблемы лексической стилистики сводятся к изучению соотношения активного и пассивного запаса языка, вопросов лексической сочетаемости и выбора слова, унификации функционирующих вариантов и форм слова и др.

Одним из неразработанных вопросов карачаево-балкарского языкознания является его лексическая норма, без определения границ которой невозможно и окончательное утверждение способов реализации слова, канонизация его форм и вариантов в литературном языке. Решение этой проблемы представляет собой уяснение вопросов соотношения нормативной и ненормативной лексики, освоения и нейтрализации заимствований, оценки качества лексикализации производных значений и грамматических форм слова, определения доминанта среди конкурирующих синонимов и дублетов, закрепления приемлемых форм окказиональных слов и варьирования ими. При этом узусно-стилистические и литературные нормы должны быть определены с точки зрения

языкового сознания наших дней [9, 63] и в перспективе, с учетом экстралингвистической обусловленности функционирования карачаево-балкарского языка.

II. Лексические варианты и их отношение к норме языка

Известно, что нормы литературного языка не являются чем-то вечным и устойчивым, а подвергаются хоть медленным, но постоянным функциональным изменениям. Поэтому в понятие языковой нормы каждая историческая эпоха вносит свое содержание. В последние годы в местной прессе стали публиковаться статьи, призывающие беречь чистоту карачаево-балкарского языка. Они полезны тем, что привлекают внимание общественности к языку и содержат много хороших идей и советов. Здесь особо можно отметить вклад национальной интеллигенции. Однако нельзя считать, что все советы плодотворны. Во многих публикациях не учитывается фактор изменчивости лексики, что приводит к тому, что, с одной стороны, представители старшего поколения, придерживаясь старых языковых привычек, считают образцом порою консервативные языковые элементы, а с другой — часть молодого поколения готова с легкостью отказаться от традиционных форм выразительных средств [10]. Это порождает пуризм в языке. Поэтому, как справедливо отмечает С. И. Ожегов: «Вопросы культуры речи нельзя решать на почве личных, субъективных оценок явлений языка» [11, 4]. Так как язык всегда развивается вместе с развитием общества, в определении объективной оценки современного состояния языка и его норм следует опираться не на сумму объективных мнений, а на анализ исторических закономерностей и современных тенденций развития языка [11, 4].

Иногда языковая норма эволюционирует длительное время, а иногда же метаморфозы с ней нередко происходят на наших глазах. В качестве наглядного примера можно сравнить лексику 30-х и 80-х годов, где произошли особенно большие изменения в функциональной активности слов.

Из-за того что не установлены различные функциональные способности устаревших, устарелых и полностью выпавших из живого употребления слов, допускаются случаи, когда в художественных произведениях в оборот пускаются «приблизительно восприни-

маемые слова», которые встречаются лишь в фольклорных текстах.

В качестве основных черт языковой нормы принято считать устойчивость, стабильность, общераспространенность и обязательность соблюдения нормативных регламентаций, литературную традицию, культурно-эстетическое восприятие языкового фактора и узус его функционирования [1, 7].

Сохранение языковых норм вытекает из практических потребностей общества, которые зависят от уровня его развития, и устойчивость этих норм становится относительной [1, 9]. Поэтому один лишь признак устойчивости еще не полностью характеризует понятие «языковая норма». Относительно устойчивыми могут быть и литературные нормы, отклонения от которых вначале могут восприниматься как речевые ошибки, а со временем могут приобрести всеобщее признание. Например, нетрадиционное ударение наблюдается в современной балкарской поэзии.

Степень употребительности языкового варианта является важной стороной при определении нормы, однако употребительность не всегда является каноном для образца. Здесь следует учитывать и культурно-исторические факторы, которые в ряде случаев могут оказываться решающими [12, 17—18].

Порою, исходя из традиционных представлений о правильности речи, опровергается то или иное новообразование, которое в действительности является жизнеспособным и даже перспективным, идущим на смену отжившей форме. Учитывая диалектику языкового развития, следует признать, что в языке могут сосуществовать многие варианты, признаваемые равноценными или в определенной мере допустимыми. Вместе с тем не все то, что возникает в языковой стихии, закрепляется и становится впоследствии новой нормой. Многие из них представляют собой грубые неправильности и быстро исчезают из языка.

Роль социально-оценочного фактора в принятии или отвержении того или иного фактора речи признают многие исследователи. Как отмечал А. А. Шахматов, «активный процесс зарождается в языке отдельных индивидуумов, импонирующих среде своим социальным положением, своим умом, талантом, образованием (культурностью)» [13, 107]. Однако, несмотря на это, авторитет может оказать плохую услугу в нормализации

языка. Например, у известной балкарской писательницы Миналдан Шаваевой в авторской речи вместо литературно-устойчивого сочетания ёнюм (-юнг, -ю) *къарыкъды* «терять голос», «садиться (о голосе)» очень часто встречается форма ёнюм (-юнг, -ю) *къарылды* (букв.: ён «горло», *къарыл* «подавиться») [14, 6]. «Часто речевые ошибки, неточности берутся под защиту со ссылками на главную общенародную речь и образцы лучших произведений литературы»,— пишет Д. Н. Шмелев [15, 431]. Поэтому следует опровергать случаи, не выдерживающие объективной филологической критики [16, 9].

При канонизации норм литературного языка, как предлагают многие лингвисты, безусловно надо учитывать по достоинству социальные условия, принципы речевой эстетики, влияние культурной среды (даже отдельных авторов). Здесь встает вопрос, норма — это узус или закон? Отвечая на него, К. С. Горбачевич пишет: «и узус и закон». «...Природа нормы двусторонняя. В ней скрещиваются и стихийные (основанные на внутренних свойствах языка) речевые навыки, и внешние, социальные факторы, без которых немислимо само существование языка. Литературная норма не определяется только внутренними закономерностями языка, но в то же время она не безразлична к состоянию системы языка»,— пишет он далее [1, 15].

Проблема функционирования многогранной лексической системы исследуемого языка диктует необходимость нормативно-стилистического использования лексем различной степени употребительности. Нет пока твердо определенных норм употребления пассивной и стилистически ненейтральной лексики в литературном языке. При определении перспективного варианта, как показывает опыт предшествующих исследований, нельзя ограничиваться лишь выявлением статистических отношений между словами.

Для установления твердой формы слова следует изучить функционально-динамический характер ее вариантов, условия их взаимодействия и причины порождения. «Иначе говоря,— как отмечает Ж. М. Гузсев,— варианты слов должны быть рассмотрены, во-первых, в контексте, в дистрибутивных и стилистически разнородных условиях, во-вторых, их следует анализировать не в строго синхронной плоскости, а с учетом перспективы данной языковой единицы» [14, 80].

Как известно, в установлении лексической нормы большие трудности создают варианты слов. Категория

вариантности сейчас является актуальной проблемой лингвистики, в то же время этот вопрос намного острее стоит в таких новописьменных языках, как карачаево-балкарский.

Поскольку варианты слов будут существовать на всех стадиях развития языка, вариативность представляет собой весьма актуальную проблему.

Дело в том, что все «правильные» и «неправильные» варианты находятся в рамках системы языка. Следует отметить, что так называемые «неправильные варианты» являются также порождением самой системы языка и выражают тенденцию развития последнего.

Обращение к понятию «норма» у носителей языка возникает при наличии параллельных способов выражения и необходимости выбора [17, 55].

При решении вопроса об употребительности одних и неупотребительности других форм необходимо всегда иметь в виду как мобильный характер диахронных и синхронных диапазонов вариантов слов, так и спорадичность и индивидуальность в реализации многих возможностей варьирования, заложенных в системе языка [18, 35].

При определении нормы и стиля нельзя игнорировать также их соотношение друг с другом. Как пишет Р. Р. Каспранский, «норма и стиль относятся друг к другу как две величины, сумма которых равна единице: это значит, что увеличение одной величины ведет к пропорциональному уменьшению другой, и наоборот» [19, 52]. Поэтому можно допустить, что стиль способствует развитию нормы, а через норму — развитию системы языка [19, 52]. Следовательно, уровень всей системы языка находится в прямой зависимости от его нормы, на которую существенно влияет вариативность.

Языковые варианты распространены в разговорном языке, территориальных диалектах и регионах. В литературном языке обязательных языковых норм и их вариантов больше, чем в вышеуказанных [20, 117]. Состав языковых вариантов в литературном языке зависит от степени их дифференцированности или стилистической маркированности.

Э. А. Макаев, отмечая двустороннюю связь между языковой системой и языковой нормой, пишет, что в употреблении могут возникать варианты, не предусмотренные ни языковой системой, ни нормой. Эти варианты могут либо оказаться отброшенными системой и нормой,

либо закрепиться и войти в систему [21, 48]. Из этого следует, что языковая действительность в полной мере не может быть отражена в норме. Последняя является движущей силой в изменениях нормы языка. Поэтому литературный язык охватывает лишь те средства языка, которые считаются приемлемыми, а остальные оказываются вне его нормы.

Несмотря на это, в действительности же в языке сосуществуют варианты различного характера. Норма языка диктует необходимость выбора одного варианта, подразделяя последние на литературные и нелитературные. Даже в системе нормы вариантность считается избыточной категорией [22, 157].

Однако, как отмечает Ф. П. Филин, вариантность средств языкового выражения становится «избыточной» только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки (семантической, интонационной, стилистической, экспрессивной и т. д.)» [23, 18]. Компромиссный подход ко многим вариантам в новописьменных литературных языках признается справедливым [24, 167] потому, что при их современном уровне развития нет твердых критериев для отбора нормативного. Поэтому для многих вариантов считается правомерным возможность сосуществования. Однако некоторые варианты слов требуют унификации. Ж. М. Гузеев отмечает, что орфографические варианты слова порождаются неупорядоченностью орфографии и являются всегда избыточными и их следует искоренять декретом сверху [14, 96—97]. Здесь можно дифференцировать два вида орфографических вариантов: 1) разнобой в правописании внутри одного региона, как, например, разнописания в газете «Заман», журналах «Минги Тау» и «Нюр»; 2) разнописания в карачаевском и балкарском регионах.

Варианты первого типа существуют временно, пока нет твердых решений сверху перейти к единой орфографии, а многие варианты второго типа существуют из-за отсутствия взаимодоговоренности между обоими регионами. С дальнейшим развитием карачаево-балкарского языка варианты последнего типа тоже будут унифицированы.

Говоря о региональных вариантах языка, следует учесть, что их следует рассматривать дифференцированно с учетом функционально-стилистической многоплановости литературного языка. Иногда бывает трудно обнаруживать различия между двумя региональными ва-

риантами. Поэтому в каждом конкретном случае следует решать индивидуально. «Наличие частных расхождений системного характера,— пишет А. Ф. Швейцер,— позволяет рассматривать межвариантные отношения на данном уровне как отношения двух микросистем с общим ядром, образующих единую микросистему» [25, 167]. И при решении задач с ними надо исходить из того, что «эти различия между вариантами литературного языка определяются территориальной вариативностью литературной нормы... в какой мере и каким образом эта вариативность влияет на структуру языка [26, 165].

Необходимость изучения региональных вариантов со стилистической точки зрения вызывается тем, что в ряде случаев приходится иметь дело с языковыми единицами, особенности которых наиболее ярко выражаются в стилистической плоскости. Важное значение для нормы языка имеет также определение стилистических регламентирующих действий этих вариантов в разных ареалах данного языка.

Существование территориальных вариантов в литературном языке — явление временное. С развитием и совершенствованием литературного языка региональные языковые варианты будут унифицированы и сохранятся лишь перспективные формы. Теория языкового развития определяет, что территориальные формы языка должны объединяться, обобществляться.

Определенная временная ограниченность функционирования территориального варьирования в литературных языках прогнозируется почти во всех ареальных языковых системах, которые рассчитывают на сближение их литературных норм. При канонизации единых литературных норм для ареалов данного языка преобладают политические и экономические факторы вместо лингвистических. Однако они не должны тормозить развитие и совершенствование карачаево-балкарского языка, региональные литературные варианты которого имеют все возможности для установления единой кодифицированной нормы. Для этого необходимо разработать, изучив региональное варьирование, приемлемые нормативы и форсировать ранее достигнутые обоюдные соглашения, в том числе возобновить издание единых учебников и учебных программ.

В период демократизации языка происходят два вида движения: 1) проникновение культурной формы речи в нижние страты («социализация» высшей формы языка)

и 2) приток элементов низшего страта в высший страт («социализация» низовой речи) [27, 32].

При этом интегрирующей основой является литературный язык со сложной функционально-стилистической системой, в которой структурные элементы низших стратов подвергаются стилистическому перераспределению, приобретая новые функции [27, 32]. Следует отметить, что в ходе этого процесса заметно меняется экспрессия лексических средств языка, которая соответственно сказывается на изменениях регламента их употребления.

Как известно, теория культуры речи предусматривает изучение вариантности не только в пределах литературного языка, но и за его пределами. Вот как раз и в последнем случае норма противостоит вариативности, где варианты рассматриваются как разнობой в языке.

Для порождения вариантов слов большое содействие оказывает демократизация языка. Для прошедшего этапа демократизации карачаево-балкарского языка была характерна преимущественно социализация низовой речи.

Образованию региональных типов вариантов слов способствовало то, что с установлением письменности определение литературных норм происходило раздельно, обособленно и вне согласованности ареалов исследуемого языка. Этот процесс породил также и лексический разнობой.

В связи с тем что литературный язык создавался в основном на базе устно-разговорной речи, нормативный статус приобрели многие разговорно-просторечные слова и их произносительные формы в каждом регионе. Например: *таякъ* — *тыякъ* «палка», *жыякъ* — *жаякъ* «щетка» и т. п. [14, 80—101].

Появлению лексических вариантов способствовала также сама лексическая структура языка. Параллельное употребление генетически разных слов появилось в результате смешения племен, взаимовлияния культур и соседних языков, взаимообогащения языков разных семей, существования двуязычия (под двуязычием мы имеем в виду два периода: 1) исторический, когда в середине XVIII в. отдельные регионы, например Черекское ущелье, говорили на тюркском и ираноязычном наречии [28, 111], и 2) современный — карачаево-балкаро-русский), внутрисистемных процессов лексики (словообразования и формирования).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
2. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
3. Жаппуев А. А. Развитие лексики карачаево-балкарского языка в советский период // Торжество ленинской национальной политики КПСС: (Материалы научной конференции). Нальчик, 1983. С. 131—144; Он же. Роль соседних языков в обогащении терминов земледелия карачаево-балкарского языка // СТ. 1974. № 3. С. 61—63; Отаров И. М. Развитие общественно-политической лексики в периодической печати. (На материале карачаево-балкарского языка) // Язык и массовая коммуникация. (Социолингвистическое исследование). М., 1984. С. 101—106; Джабоев Ю. Х. О способах обогащения лексики карачаево-балкарского языка в советский период // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1979. Вып. 1. С. 59—64; Он же. Роль русского языка в обогащении карачаево-балкарской лексики в советский период // Там же. С. 109—118; Он же. К вопросу развития лексики карачаево-балкарского языка в советский период // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 89—99, и др.
4. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
5. Будаев А. Ж. Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1973. Вып. 7.
6. Гузев Ж. М. Орфография русских заимствований в карачаево-балкарском языке // СТ. 1977. № 5.
7. Хамидова С. М. Русские словарные единицы в узбекской разговорной речи // СТ. 1985. № 1. С. 20; Блягоз З. У. О некоторых особенностях устной разговорной речи интеллигенции города в условиях двуязычия (На материале разговорной речи интеллигенции г. Майкопа) // Вопросы адыгейского языкознания. Майкоп, 1985. Вып. 5. С. 69.
8. Шмелева И. Н. Стилистические сдвиги в лексике современного русского языка // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.; Л., 1966.
9. Юлдашев А. А. Принципы составления тюрко-русских словарей. М.: Наука, 1972.
10. Улаков М. Тил эм аны мардасы // Коммунизмге жол. 1986. 13 авг.
11. Ожегов С. И. От редактора // Правильности русской речи: Словарь-справочник. М.: Наука, 1965.
12. Филин Ф. П. О нормах и стилях литературного языка // Проблема нормы и социальная дифференциация языка. М., 1967.
13. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. Изд. 4-е.
14. Гузев Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984.
15. Шмелев Д. Н. Некоторые вопросы развития и нормализация современного русского литературного языка // Изв. АН СССР ОЛЯ 1962 Т. 21. Вып. 5.
16. Бабкин А. М. Слово в контексте и в словаре // Современная русская лексикография. Л., 1977.
17. Горбачевич К. С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен // ВЯ. 1975.
18. Воронов А. А. Стилистическое использование вариантов слов на морфологическом уровне // Сб. научной конференции. Проблемы

лингвистической стилистики. (Тезисы докладов 26—28 марта). М.: Московск. гос. пед. инст. ин. яз. им. М. Тореза, 1969.

19. *Каспранский Р. Р.* О соотношении нормы и стиля // Сб. научной конференции. Проблемы лингвистической стилистики: (Тезисы докладов 26—28 марта). М.: Московск. гос. пед. инст. ин. яз. им. М. Тореза, 1969.

20. *Ризель Э. Г.* Языковые и стилистические нормы (на материале современного немецкого языка) // Проблемы лингвистической стилистики: (Тезисы докладов 26—28 марта). М.: Московск. гос. пед. инст. ин. яз. им. М. Тореза, 1969.

21. *Макаев Э. А.* Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // ВЯ. 1962. № 5.

22. *Лукьянова Н. А.* Однокоренные синонимы и варианты слова // Синонимы в языке и речи: Доклады конференции (15—17 декабря 1969). Новосибирск, 1970.

23. *Филин Ф. П.* Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7.

24. *Тхаркахо Д. А.* Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. Майкоп, 1982.

25. *Швейцер А. Д.* К вопросу о территориальной вариативности нормы литературного языка // Проблемы лингвистической стилистики: (Тезисы докладов 26—28 марта). М., 1969.

26. *Шендельс Е. И.* Полуотмеченные структуры и их стилистическое значение // Проблемы лингвистической стилистики: (Тезисы докладов 26—28 марта). М., 1969.

27. *Степанов Г. В.* Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков, 1977.

28. *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974.

Глава IV

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВА

В изучении вопросов лексической стилистики важное теоретическое и практическое отношение место занимает аспект сочетаемости слова — его способность сочетаться в речи с другими словами и формами в соответствии с нормами литературного языка.

Объединение слов происходит на основе смысловых, семантических, эмоционально-экспрессивных признаков. Для лексической сочетаемости существенны также и такие определенные свойства слов, как обусловленность значения лексическим окружением, набор сочетающихся с данным словом других лексем, синтаксической позицией; условия и сфера их употребления в современном языке [1, 63]. Здесь проявляется соотношение элементов содержания и способов его выражения. Определение всего этого осложняет несистематизированность связоизменения слова, которая, в свою очередь, связана с неразработанностью общей теории сочетаемости языковых единиц.

Под лексической сочетаемостью мы понимаем способность слова как лексемы сочетаться с другими словами такого же статуса, совокупность его лексических валентностей [2, 48]. При таком определении мы учитываем и такие присущие ей качества, как неустойчивость системы, неотчетливость проявления узуса и уязвимость норм. Поэтому постоянные характеристики сочетаемостных свойств слов несколько относительны.

Описание лексической сочетаемости слова ряд лингвистов представляет себе «как заполнение некоторой стандартной анкеты, вопросами которой являются названия типовых значений, а ответами — способы их лексического выражения при данном слове в данном языке» [3, 65]. Другие, учитывая это, предлагают обратить внимание на лексическую сочетаемость вне установки на заданный смысл, ограниченность у слова набора распро-

страняющих слов вообще, различая при этом абсолютные и реляционные сочетаемостные свойства слова.

При абсолютной сочетаемости слову, независимо от условий его реализации, свойственна сочетаемость определенного смыслового задания. Этому виду сочетаемости присуща регламентированность некоторых слов и их значений. Например: *сынсы* «визжать», *гымых* «тупой, притупленный», *саркъ* «стекать по чему-либо», *улу* «выть», *ынгырда* «мычать»; *ачы* (*хапар*, *таууш*) «горькая (весть)», *жюйрюк* (*ат*, *эшек*) «рысцовый (конь, осел)». В сочетании с такими основными компонентами могут вступать слова одной лексической серии. Их могут заменять также видовые наименования и названия пород из тех же родов, реже, слова с синонимичными значениями вторых компонентов. Примеры: *сынсы* (*ит сынсыйды*, *кючюк сынсыйды*, *парий сынсыйды*) «скулить (скулит собака, скулит щенок, скулит пес)», *гумух* (*гумух балта*, *гумух бичакъ*, *гумух быхчы*) «тупой (тупой топор, тупой нож, тупая пила)», *ынгырда* (*ийнек ынгырдайды*, *бузоу ынгырдайды*) «мычать (мычит корова, мычит теленок)»; в переносном значении слово *ачы* может сочетаться с лексемами *хапар*, *таууш* (*ачы хапар таууш*) «горькая весть».

Отдельные производные формы слов, как *толгъан*, *жетген*, преследуя определенный смысл, вступают в сочетания лишь со словами *ай*, *къыз* (*толгъан ай* «полный месяц, полнолуние», *жетген къыз* «девушка на выданье»). Из примеров явствует, что абсолютная сочетаемость регламентирована. Ограниченность сочетательных возможностей второго слова несколько относительна, т. е. допускается вариация с видовым эквивалентом. Однако в ряде случаев и это слово может быть строго регламентированным, образуя тем самым жесткоустойчивое сочетание, как, например, *чий тели* «круглый дурак», *къагъанакъ сабий* «грудной ребенок», *къара ниет* «злое намерение» и т. п. Такая устойчивость второго слова задает идиоматичное смысловое задание, т. е. сочетаемость для выражения данного смысла.

При регламентированной абсолютной сочетаемости имеет место относительная регламентированная сочетаемость.

Следует отметить, что эти квалификации могут относиться, скажем, к первому слову — как абсолютная сочетаемость, ко второму — как относительная. Например: *тор ат* «вороной конь» (*тор* — абсолютная, *ат* — относительная; ср.: *тор ат*, *тор байтал*, *тор ажир* «гнедой конь,

гнедая кобыла, гнедой жеребец»). Если рассмотреть следующее сочетание — *тай хора* «породистый скакун», то слово *тай* характеризуется относительной сочетаемостью, а *хора* — абсолютной. Второе слово исключает сочетание с другими лексемами. В подобных примерах выявляются конкретные случаи сочетания одного слова и определяются их сочетательные возможности.

Наиболее актуальные вопросы лексической сочетаемости связаны с определенными правилами сочетания отдельных лексических средств, зависящими от лексико-семантического и стилистического облика слов. Поэтому для живой речи наиболее важны вопросы, связанные с правильным выбором слова, где необходимо различать границы сочетаемости, определяемые логико-понятийной стороной слова и качествами, свойствами, которые обусловлены внутриязыковыми взаимосвязями и отношениями [1, 66]. Лексические связи слов, обусловленные предметно-логической стороной лексем, отражают реальные, логические, предметные отношения вещей, обозначаемых сочетающимися лексическими единицами. Например, слово *агъач* в значении «деревянный» сочетается с довольно широким кругом слов, обозначающих предметы, которые сделаны из дерева: *агъач юй* «деревянный дом», *агъач челек* «бадья», *агъач къашыкъ* «деревянная ложка» и т. п. Сравним теперь сочетаемостный смысл слова *терек* «дерево» в той же позиции: *терек бутакъ* «ветка дерева», *терек къабукъ* «кора дерева», *терек чпыракъ* «лист дерева». Как явствует из примеров, каждое слово со свободным значением находится в рамках интролингвистических связей. Функциональные возможности всякого слова в языке реализуются как элементы языка, в основе которых лежат возможные связи и зависимости между ними [4, 66].

Правила сочетаемости лексических единиц выводятся из совокупности потенциальных связей между словами. «Иными словами, правила языка сводятся к свойствам его элементов» [4, 66], накладывая ограничения на возможные их отношения.

При всей свободе лексических связей основное направление сочетаемости слова предопределено его принадлежностью к определенной лексико-стилистической группе, объединенной общим семантическим стержнем.

В сфере лексической сочетаемости существует и другой вид явлений, где лексические связи слова обуславливаются внутриязыковыми, семантическими взаимосвязями и отношениями. Связанные таким отношением

лексемы являются но преимуществу стилистическими синонимами, эмоционально окрашенными словами и словами с непрямыми, переносно-метафорическими значениями [1, 79]. Например, глагол *кюл* «смеяться, засмеяться, рассмеяться, посмеяться» может сочетаться с большим кругом слов, выражающих радость, счастье, успех и т. п., а также выражающих степень эмоций, чувств: *къууанып кюл* «смеяться от радости», *жарыкъ кюл* «смеяться ясно», *шош кюл* «смеяться тихо»; в переносном употреблении образует пейоративное значение «насмехаться, осмеивать, высмеять, подсмеиваться, пошутить», объем его сочетаемости ограничен. Примеры: *Сюймегенинг кюлген кюн* — *адамлыгъынг кетген кюн* (Нарт сёз). «День, когда смеется твой неприятель, — день утери тобой человечности»; *Асхат, халкъ ызындан кюле, бахчала бла жёбелей къачды* (З. Зокаев. Солуу кюн. С. 44). «Асхат, под смех всего народа, побежал мимо огородов»; *Орус ишчиле — устала, кеслерине нёгерликге Мазанны алып, аны орусча жарты-къурту сёлеше кю-решгенине кюле айланадыла* (Ж. Залиханов. Тау къушла. С. 66). «Русские рабочие-мастера, взяв Мазана в друзья, подсмеивались над тем, как он картавил, пытаясь говорить по-русски».

Многие виды семантических модификаций сочетаемости характеризуются неочерченностью границ относящихся сюда материалов ввиду отсутствия строгих критериев для противопоставлений в пределах значения и полисемии.

Лексические материалы ясно отражают не только сочетаемость, мотивированную системными свойствами языковых единиц, но также и сочетаемость, характеризующую свойствами конкретных сочетаний как целых. Сюда относятся различные виды воспроизводимых единиц. Это терминологические и бытовые названия (*та-лакъ ауруу* «сибирская язва», *сабан агъач* «плуг», *къара эрик* «чернослив», *таш макъа* «черепаша», *баш бармакъ* «большой палец», *бал батман* «улей», *къочхар тон* «тулуп»), штампы, клише, условные формулы (*кеппе керти* «с подлинным верно», *жанын-къанын аямай* «не жалея себя», *кюн ишхы болсун* «добрый день»), риторические формулы (*атлагъаны жерни тепдире* «от его ходьбы дрожит земля», *сёзю таш жара* «его слово дробит камень», *кюлгени юнню титирете* «от хохота его дом дребезжит»), употребление с оборотами (*итча юре* «лаять, как собака», *кёмюрча къаралып* «почернев, как уголь», *кёз жауун тауусхунчу къарау* «смотреть во все

глаза до иссыхания слез», *тамагъын жыртхынчы къычырыу* «кричать, пока не разорвется глотка»).

Своеобразным видом лексической сочетаемости связаны некоторые обозначения понятий, которые могут выражаться и отдельными словами (*къой орун* — *бау* «овчарня», *ханс артыу* — *чагалау* «прополка», *эсине келиу* — *аязыу* «прийти в себя», *онг бермеу* — *унукъдуруу* «держат в кабале», *къыйынлыкъ сынатыу* — *къыйнау* «угнетать», *алхам алдырмай* — *мычымай* «мигом»).

Самостоятельно дифференцируются образованные стержневым словом сочетания по их стилистической окраске: слово *баш* «голова», соединяясь со словами *тели* «дурак», *танкы* (простореч.) «зародыш яйца», *жек* (груб. простореч.) «бес, черт», дает значение «глупый»; *кёз* «глаз», образуя сочетания со словами *улуу* «большой», *тана* «бычок», *жандыра* (простореч.) «светящийся, вылулпленный», передает понятие «пучеглазый, большеглазый»; в сочетании *тюнге сал* «положить под себя» глагол, в зависимости от стилистической или экспрессивной надобности может варьироваться словами *бас* «давить», *сукъ* «воткнуть», *ур* «загнать», *малта* «затоптать».

Исходя из того, что определенный вид сочетаемости свойствен не слову, а его конкретным лексико-семантическим вариантам, за единицу определения берется его отдельное значение.

Любой вариант сочетаемости всегда создает разные смыслы, а синонимы редко дифференцируются сочетаемостью, хотя всегда образуют различные стилистические оттенки сочетания. Поэтому, давая характеристику сочетаемости синонимов, нельзя уравнивать значения слов, объединяемых одной лексической функцией, несмотря на то, что в лингвистике проблема соотношения лексического значения и сочетаемости до конца еще не решена.

Ряд исследователей с убежденностью доказывали наличие изоморфизма между лексической семантикой и сочетаемостью «однозначного соответствия между некоторым значением и некоторой дистрибуцией» [5. 60]. Однако необходимо учитывать, что регламент на сочетаемость нередко устанавливается не из языка, а из внеязыковой действительности. Поэтому следует учитывать значение слова в целом, со всеми его языковыми особенностями.

Лексическая сочетаемость синонимического ряда зависит от степени совпадения значений синонимичных

слов, а также от сочетаемого второго слова: от принадлежности его к имени, к глаголу и т. п.

Учитывая все это, основную роль в лексической сочетаемости играет логико-предметное отношение. Например, сравните сочетательные способности синонимов *тамаша* «удивительно» и *сейир* «интересный» (*тамаша бол* «удивиться», *сейир эт* «удивиться»). Составляя парное слово, эти синонимы сочетаются с обоими глаголами (*сейир — тамаша бол* «удивиться», *сейир — тамаша эт* «удивиться»). Однако слово *тамаша* не допускает сочетания с глаголом *эт*, а *сейир* — с *бол*. При сочетаемости синонимов с другими словами могут быть сильные и слабые позиции. Условно в схеме мы сильные позиции обозначим знаком + (плюс), слабые — знаком — (минус).

	адам	эрке- гырыу	къа- тын	тиши- рыу	киши	къыз	жаш	сабий
ушагъылы	++	+	++	+	++	+	+	+
чырайлы	++	+	++	+	++	+	+	+
къууатлы	++	+	+	+	+	+	+	—
келбетли	++	+	+	+	+	+	+	—
субай	++	—	+	+	—	++	+	—

Из примеров наглядно видно, что активные, пассивные, сильные и слабые позиции в лексических связях между сочетаниями зависят от их логико-предметных отношений. Влияние последнего на лексическую сочетаемость настолько сильно, что квалификация языковой и экстралингвистической сочетаемости оказывается не очень легким делом. Их разграничение осложняется тем, что в языковой действительности они выступают вместе, в переплетении. При этом, как отмечает Н. З. Котелова, «первая отражает вторую и складывается под ее влиянием» [6, 63]. Поэтому можно легко смешать некоторые сочетания типа *тазир сал* «оштрафовать», *къара кий* «ходить в трауре», *боюн сал* — «подчиниться» и *дум — къара* «очень черный», *целикчи болуш* «родительный падеж», приписывая им единичную сочетаемость. Между тем слова *тазир* «штраф», *боюн* «шея», *къара* «черный, траурный» могут сочетаться и с другими словами, тогда как их компоненты исключают это.

Говоря о сочетаемостных возможностях синонимического ряда, следует заметить, что даже при полном совпадении значений составляющих этот ряд слов нельзя гарантировать их абсолютно идентичную сочетательную валентность. Такое положение обусловлено самой природой функционирования членов синонимического ряда,

различной регламентированностью их употребления и принадлежностью к определенной стилистической категории слов. На базе таких признаков формируются языковые нормы, в частности лексические сочетаемостные каноны.

Одна из специфических черт лексических связей проявляется при демонстрации сочетательных свойств слов, сближающихся на основе общих функций, которые передают близкие понятия. Например, кричать, издавать характерные звуки животными: *ит юреди* «собака лает», *киштик макъырады* «кошка мяукает», *ат кишнейди* «лошадь ржет», *ийнек ёкюреди* «корова кричит», *бузоу ынгырдайды* «теленочек мычит», *бёрю улуйду* «волк воет», *тауукъ къанкъылдайды* «курица кудахчет», *эшек окъуйду* «осел кричит» и т. д.

Несмотря на то, что глаголы этих сочетаний передают близкие понятия, заменять друг друга они не могут. Правда, некоторые из них допускают сочетания с отдельными видовыми наименованиями животных, но лишь в рамках родовых терминов. Другие же — предпочитают единичную сочетаемость. Ср.: *бёрю (ит, парий) улуйду* «волк (собака, пес) воет», *ийнек (къунажин, бугъа) ёкюреди* «корова (нетель, бугай) мычит» и *тауукъ къанкъылдайды* «курица кудахчет». Последнему глаголу свойственно единичное сочетание (в прямом значении). В подобных сочетаниях, как явствует из примеров, четко определены границы сочетаемости. Здесь необходимо отметить также сочетательные возможности таких слов с ограниченной валентностью в переносных значениях. Так, как уже было отмечено, каждое новое значение слова обуславливает новые сочетательные возможности. Поэтому почти все приведенные выше глаголы, выражающие крик, характерные звуки животных, употребляясь в переносных значениях, могут сочетаться с названиями, определяющими поведение человека. Чаще всего используется всё словосочетание в форме сравнения по отношению к людям. Например: *Жаралы Хасан ёгюзча ёкюреди*. «Раненый Хасан кричит, как волк»; *Жанхотну згечи хар тубегенибизден юсюме итча юреди*. «При каждой встрече сестра Жанхота на меня лает, как собака». Но использование подобных сравнений строго мотивировано.

Следует заметить, что в этом отношении представляют интерес и сочетаемостные свойства регионализмов, ибо они по некоторым своим функциональным параметрам сближаются с абсолютными синонимами. Речь идет

о тех словах, которые в своем регионе считаются литературными, а не нормированными,— о лексических вариантах языка.

Дело в том, что сама лексическая сочетаемость карачаево-балкарского языка имеет региональные черты, т. е. имеется разница в валентности даже общих для обеих сторон лексических единиц. С этим и связана особенность лексических связей регионализмов.

СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОРМА

Как известно, с развитием и изменением лексической системы языка меняются и сочетаемостные каноны слов. Такие внутрилексические процессы, как расширение значений слов, нейтрализация терминов, демократизация различных лексических пластов и стилистических групп и др., соответственно влияют на сочетаемостные возможности слова.

Подобные изменения обуславливаются потенциальными возможностями самих слов как единиц речи. Новые эволюционные сочетательные свойства лексем возникают из-за необходимости обозначения новых понятий, выражения более качественных стилистических уровней и высоких языковых отношений.

Однако этот процесс нельзя считать односторонне качественно и количественно растущим. В результате лексических изменений в языке эти процессы сопровождаются упразднением предшествующих сочетательных канонических рядов лексических единиц и стремлением их к ограниченному валентностным отношениям, соответственно подчиняясь новым языковым нормам. Поэтому при исследовании проблем лексической стилистики резонно встает вопрос о соотношении нормы языка и сочетаемости слов.

Принципиального решения ждут неясности в области определения сочетательных свойств и установления четких границ лексических связей слов в различных регламентированных средах словарного фонда языка.

Наиболее интересным, на наш взгляд, кажется определение перспективных вариантов лексической сочетаемости в указанных выше словарных областях в соответствии с дальнейшим развитием и совершенствованием языковой нормы.

Большое значение имеет и выявление неперспективных и консервативных элементов сочетаемостных образцов.

Так как некоторые исследователи лексическую сочетаемость считают санкционированной нормой способности слова (единицы лексико-семантической системы) соединяться в речи со словами, с которыми оно семантически совместимо [7, 62], ясно, что такая связь между лексемами строится по определенным правилам, которые могут допускать сочетаемые варианты слов, не противоречащие внутренней системе литературного языка.

Однако не всегда легко определить перспективные и полезные новые образцы и явные устаревшие и консервативные варианты. Тем более, что сами нормы языка имеют динамический характер. Следует отметить, что еще сложнее это сделать в таком слабо нормированном языке, как карачаево-балкарский. Поэтому указание идеальных форм и эталонов лексической сочетаемости невозможно ни в одном, даже с высоко развитыми литературными нормами, языке. Тогда встает вопрос: как же ориентироваться в правильном сочетании слов, как использовать потенциальные возможности языка в этом отношении?

Хорошее знание языка, как справедливо отмечают многие известные лингвисты, безусловно позволяет судить об узусе словоупотребления и их сочетаемости. Однако это не гарантирует от ошибок при квалификации «норма» — «ненорма» и, к сожалению, не даст возможности научно, объективно рассмотреть реализацию определенной возможности перспективных новшеств словосвязей, их пригодность, оправданность.

Исходя из соотношения языка и мышления, языка и действительности, а также из узкой сферы системных отношений внутри языка, выводится понятие «норма», вытекающее из принципа целесообразности [8, 35], эффективности той или иной языковой формы для понимания высказывания.

Любая языковая норма должна быть не только социально одобряемым правилом, но и должна быть объективирована реальной речевой практикой, отражающей закономерности языковой ситуации, и подтверждена лучшими мастерами слова данного языка [8, 37].

Таким образом, лексическая сочетаемость является показателем многоаспектного и сложного языкового явления, отражающего общественно-эстетические взгляды и закономерности языковой системы в ее непрерывном развитии и совершенствовании. Она регулируется как всей системой, так и нормой [9, 62]. Эти нормы не распространяются на переносное словоупотребление, ибо «к

оценке лексической сочетаемости в экспрессивной речи нельзя подходить с обычной меркой, здесь законы «притяжения» слов друг к другу особые [10, 24] и в художественных произведениях эти ограничительные рамки могут быть значительно расширены. Однако, если автор не преследует определенную стилистическую цель, нарушение лексической сочетаемости становится речевой ошибкой.

Следовательно, необходимо различать лексическую сочетаемость в литературном языке и лексическую сочетаемость в языке художественной литературы.

По существу, вступление слова в словосочетание означает его активизацию и включение в организацию речи. Однако, как известно, релевантные качества у разных лексических единиц различные. Это не дает возможности каждому слову иметь одинаковые сочетательные возможности и в равной степени активно функционировать в языке.

Такие характеристики определяют синтагматические параметры слова на данном этапе развития языка.

Временная характеристика лексических единиц имеет важное значение в определении границ лексической сочетаемости, в выявлении конкретных случаев сочетания слова с рядом других слов, при наборе распространяющих слов.

Ограничения лексической сочетаемости, как правило, свойственны словам ненормативной лексики, которые редко встречаются в речи [10, 23].

В связи с тем, что природа самой ненормативной лексики неоднородна, различны сочетательные свойства и возможности у диалектизмов, историзмов, архаизмов, просторечий, неологизмов и вновь заимствованных, переведенных или калькированных терминов, не вошедших в нормированную лексику.

Даже внутри этих разрядов различаются группы пассивных и менее пассивных слов. Например, сравните функциональную активность устаревающих и устаревших слов [11, 225—228], неологизмов в окказиональных слов [12, 38—47].

Таким образом, функционально-лексические свойства слов регламентируют их сочетательные возможности. Изменения этих возможностей могут быть обусловлены переходом лексических единиц в другие функциональные группы: с переходом в архаизмы — сокращаются, с нейтрализацией термина или с приобретением общей известности неологизмом — увеличиваются.

Некоторая перспективность в сочетаемостных возможностях зависит и от обозначаемых словом реалий, т. е. актуальность самих реалий диктует актуализацию определяющих их наименований, а архаизация предметов обуславливает устаревание обозначающих их слов. Ср., например: *элиф* «алиф» (название буквы арабского алфавита), *талкъы* «кожемялка», *балакъа* «орудие телесного наказания», *харфлыкъ* «букварь» и *къаячы* «скалолаз», *сёзлюк* «словарь».

Таким образом, на лексическую сочетаемость активно влияют как внутриязыковые, так и экстралингвистические факторы.

Собственно лингвистическими причинами, обуславливающими лексическую сочетаемость слов в основном значении, можно считать такие, как:

1) фразовая изоляция, связанная с историей реалии — *хажы къыл* «совершить паломничество», *ораза тут* «соблюдать пост», *тобагъа къайыт* «покаяться»;

2) история номинативного значения: например, первичными значениями слова *от* являются: I «трава, зелень», II «лекарство» (ДТС, 373). Эти значения в современном карачаево-балкарском языке не употребляются. Однако первое значение сохранилось в глаголе *отла* «пасться (о скоте)», второе значение приобрело отрицательный оттенок и стало означать «отраву» (ср.: *ёлюр от* «смертоносная отравка», *от ашат* «отравить»). Первичное значение слова *голия* «стрела» сохранилось лишь в бранном выражении — *атанга голия* «стрела в отца (твоего)», а исходное значение слова *муркку* «глупый, безрассудный» (ДТС, 354) можно вывести из сочетания *муркку эт* «забавляться от безделья».

Сочетательные возможности этих слов в карачаево-балкарском языке минимальны, если не равны нулю;

3) конструктивная обусловленность номинативного значения — ср.: *ариу оюн* «красивая игра» и *тапханса оюн* «нашел забаву»; *алтын къашыкъ* «золотая ложка» и *алтын адам* «золотой человек», *къз къыс* «моргнуть», *къз къыс* «уснуть, вздремнуть»;

4) история слова: в современном карачаево-балкарском языке многие древнетюркские слова сохранили свои номинативные значения. Только некоторые из них несколько сузили свои значения. Например, глаголы *мангыра* «кричать, орать» (ДТС, 377) и *макъыр* «кричать, орать» (ДТС, 82) ныне определяют лишь крик мелкого рогатого скота «блеять»; *сюркеле* «преследовать, гнаться» (ДТС, 518) теперь используется в значе-

нии «ползком». Слова *тон* «платье, одежда» (ДТС, 574) и *атчы* «всадник» (ДТС, 66) функционируют в соответствующих значениях «тулуп» и «конюх, коневод», которые имеют широкие сочетательные возможности. Произошло расширение значений ряда слов, как *терек* «тополь» (ДТС, 553), *тёлю* — «окотиться (об овце)». Первое слово, расширив свое видовое значение, стало означать «дерево (вообще)», а второе слово-глагол функционирует в роли имени существительного со значением «молодняк» (ср.: *жаш тёлю* «молодежь» и *тёлю ал* «принимать окот»).

Имеются случаи, когда древнее слово приобрело полностью противоположное значение. Например, древнетюркское слово *сылыкъ* свое старое значение «чистый, благородный» (ДТС, 518) поменяло на «мерзкий, отвратительный, неприятный», так же произошло и со словом *аман* «хороший, приятный», которое в современном карачаево-балкарском языке имеет значение «плохой, отрицательный». Первичное значение слова *аман* сохранено в некоторых современных тюркских языках, а также топонимике Карачая и Балкарии (*Аман кёол* — «красивая балка», а не «плохая балка», как переводят экскурсоводы; ср. также: *аман иги* «очень хороший»). Другие древнетюркские слова, типа *айгъыр* «жеребец» (ДТС, 28), *алп* «богатырский конь (сказочный)» в номинативных значениях стали достоянием языка фольклора.

Архаизация отдельных слов способствовала сохранению первичного значения, хотя свела их сочетательные возможности до минимума. Например, так произошло со словом *кёр* «могила» (*ийне бла кёр къазгъанча* «как иглой рыть могилу»). Такие слова в современном употреблении преимущественно приобретают фразеологически связанное значение. Например: *къаст эт* «задаваться целью, намереваться», *алхам алдыр* «быстро завершить что-либо».

В отличие от устаревших слов, сфера функций которых идет на убыль и соответственно постоянно сужаются и уменьшаются сочетательные возможности, новые слова в аспекте лексической сочетаемости имеют большие перспективы. В первую очередь, это связано с преимуществом последних в функционально-потенциальных характеристиках. Хотя природа новых слов в функциональном отношении тоже не однородна (в последнее время ученые различают неологизмы и окказионализмы) [14, 38], в отличие от устаревших слов, они могут увеличивать свои сочетаемостные возможности.

Безусловно, это не может касаться всех новых слов. Потому что, как известно, часть из них уйдет в пассивный запас и включится в состав слов с угасающими функциональными характеристиками.

Выше речь шла о тех инновациях, которые прошли отбор и задействованы в языке как системные слова. Несмотря на их относительную активность и частичную нейтрализацию, в связи с тем, что освоение их языком является процессом длительным, они еще долго будут сохранять оттенок необычности, что обуславливает ограниченность языкового окружения таких слов, а это, в свою очередь, означает регламентированность лексических валентностей. Например: *космонавт, ракета, самолет, спутник* и т. п. (ср.: *самолет учады* «самолет летит», *самолет к'зонду* «самолет приземлился», *самолет бузуду* «самолет сломался», *самолет кюйдю* «самолет сгорел», *самолет жанды* «самолет сгорел», *космонавт учдц* «космонавт полетел», *космонавт к'зонду* «космонавт приземлился», *космонавт ауруду* «космонавт заболел», *космонавт с'елешди* «космонавт произнес речь»...).

Таким образом, для многих новых слов перспективность в лексической сочетаемости диктуется степенью их нейтрализации и освоением литературным языком, частотностью их употребления и популярностью.

Что касается заимствованных терминов, не вошедших в литературную норму, то они пока еще долго будут адаптироваться в языке прессы, радио- и телепередачах, частично проникая и в художественную литературу, проходя через сито языковой нормы. И выдержавшие это испытание инновации будут иметь гарантии на выживание в данном языке и, более того, приобретут способности на определенную лексическую связь с другими словами. Это касается также калек и переводных эквивалентов терминов. Ср.: *сууутхуч* «холодильник», *кюзлюклендириу* «озимизация», *дискалау* «дисконание», *нартюхю* «кукурузовод», *урлук'чулук'* «семеноводство» и *зыгыт* «рассада», *жумушатыу* «рыхление», *жук'артхыч* «прореживатель». На сегодняшний день частотность употребления этих двух групп слов различная, хотя они отражают один этап появления неологизмов и один способ их создания. Однако сейчас трудно судить о том, какие из них в будущем сумеют войти в общелитературную лексику и будут свободно сочетаться с другими словами.

Что касается узкоспециальных терминов, как *архитектоника, блюминг, аберрация, демпинг, риал, квинта*.

магма, партит, гипофис и др., которые уже зарегистрированы в ряде тюркоязычных толковых словарей, широкого применения их в карачаево-балкарском языке, при нынешних формах развития языка, в ближайшем будущем не предвидится. Как известно, в первую очередь это связано с тем, что на изучаемом языке не публикуются специальные работы, где бы такие термины могли быть использованы по назначению. А их частичное употребление в текстах информационного характера не может реализовать желание полного освоения узкоспециальных терминов в карачаево-балкарском языке.

Из всего сказанного видно, какое значение имеет нормативность слова для лексической сочетаемости. Как уже выше отмечалось, изменения лексических норм языка соответственно влекут за собой изменения в лексической сочетаемости в каждом конкретном случае, а также преобразовывают общие сочетаемостные правила и каноны. Возможные внутриэволюционные изменения в этой области задерживаются из-за отсутствия некоторых видов стилей или из-за их слабого развития в исследуемом языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю. А. Лексическая стилистика. М., 1977.
2. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.
3. Апресян Ю. Д., Желковский А. К., Мельчук И. А. Об одном способе изучения сочетаемости слов // Русский язык в национальной школе. 1969. № 6.
4. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1978.
5. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексикографический сборник. 1962. Вып. 5.
6. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.
7. Оголевец А. В. О функционировании прилагательных русского языка, обладающих строгой лексической избирательностью // Русское языкознание. 1980. № 1.
8. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978.
9. Оголевец А. В. Указ. работа.
10. Голуб И. В. Стилистика современного русского языка. М., 1986.
11. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1983.
12. Г'узев Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984.

Глава V

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛОВА

Многозначность как бы «накапливается» в слове, и каждое индивидуализированное значение находит реализацию сцепленной логикой выражения.

Лексическое значение есть прямое соотношение звукового комплекса слова и факта [1, 427], а его содержательная сторона является результатом характера семантических изменений, которые слово претерпевает в речевой деятельности человека [2, 8]. Смысл слова возникает из способа, каким имя обозначает предмет.

Значение слова оказывается существенным для выяснения особенностей его содержательной стороны [2, 8].

Для того чтобы автор речи мог найти выражение, годное для только что родившегося переживания, новой мысли, он отбрасывает множество мелькающих в его сознании клише и штампов, кем-то и когда-то найденных ситуаций для слов и выражений и для достижения яркости и выразительности текста, подбирает нужные для ближайшего контекстного окружения значения слова, создавая приемлемые ситуации для их реализации.

Со своей стороны, предполагаемый смысл контекста требует использования определенного значения слова.

Таким образом, связь между значением слова и его смыслом является двусторонней.

Разграничением понятий «значение» и «смысл» занимался Л. С. Выготский [3]. Эта проблема далее разрабатывалась А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией, А. А. Леонтьевым [4].

Различение понятий значения и смысла оказало большое влияние на понимание содержательной стороны слова как единицы языка и факта речевой деятельности носителя языка.

Определенное значение слова понимается «как функция выделения отдельных признаков в предмете, обобщения их и введения предмета в известную систему категорий» [5, 51].

Давая определенное лексическому значению слова, В. Виноградов писал: «Общеизвестно, что слово является не только названием предмета, а иногда целой системой значений. В одном и том же значении обобщается и объединяется общественное понимание разных предметов или явлений, действий, качеств... Обозначая явления, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношение к другим элементам этой же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху» [6, 163].

Отдельные лексикологи считают, что понятие «число значений слова» условно. Ключом для определения всех значений слова и их применений является номинативное значение [7, 30]. Лексикографы различают собственное и несобственное значения слова, т. е. его осмысление в различных контекстах [8, 64]. Подобные рассуждения базируются на положении о внутренней форме слова, исходя из которого была выдвинута идея об общем значении слова, пронизывающем все частные его значения и их оттенки и объединяющем все начальные и потенциально возможные лексемы этого слова как некий инвариант [9, 371]. В каждом слове имеется общий семасиологический стержень, который объединяет все его значения. Однако новое производное значение слова может возникнуть и развиваться не только на базе предыдущего значения, которое является исторически мотивированным. Даже если производное значение возникло на базе основного значения слова, уже само выделение его есть признание того, что искомое не объединено с предыдущими значениями, а вычленено на равных началах в виде внутренней формы слова [9, 373]. Сравните некоторые значения слова *кюкю*:

1) «смех, хохот». *Юйню ичи сабий тауушдан, кюкюден, оюндан толу болду.* (З. Зокаев), *Солуу кюн* [8]. «Дом наполнился детским шумом, смехом, весельем»;

2) «насмешка, осмеяние». *Жашны аягы асыры ачитхандан, кзычырык этериги келди, алай тенглерини кюкюлери эсине туюшдю да, кзоркзуп, кесин кзатдырды* («Коммунизмге жол»). «Нога парня настолько бо-

дела, что ему захотелось кричать, однако, вспомнив насмешки друзей, побоялся, взял себя в руки»;

3) «посмешище». *Азамат Мариямгъа: Мени даражам бли ойнамагъыз, мен сизге кюлкюге турмайма* (М. Шаиваева. Кюн таякъла. С. 97). «Азамат Марияму: Я существую не для ваших насмешек, не надо шутить моей репутацией».

Как видно из примеров, каждое значение многозначного слова существует самостоятельно и по-разному реализуется в разных контекстах. Как стилистический прием особенно эффектен переход основного значения слова в переносное, от абстрактного к конкретному. Например, *кюкюре*: 1) «греметь, загреметь, прогреметь, грохотать; грянуть (о громе, пушках и т. п.)». *Биз эл къыйырында картоф сила тургъанлай, кёк жашнап, кюкюреп, уллу жауун жетди* (Б. Гуляев. Жаяу жолчукъ. С. 8). «Когда мы на краю села сажали картофель, небо сверкнуло, загрохотало, нагрянул большой дождь»; 2) переносное значение, простореч.: «злиться, обозлиться, разозлиться на кого-либо; сердиться, рассердиться, гневаться, разгневаться; обрушиться гневом; орать, браниться, сильно ругать». *Къатынга кюкюрей эди, Сабанында жетгенча, Жууаш къатын Къубадийге Уллу палах этгенча* (Б. Гуртуев. Шухла арасында. С. 96). «Гневался на женщину, Будто застал (ее на своем) поле, Будто смиренная женщина (причинила) зло Кубадию».

Переносные значения слова лексикографы дифференцируют на генетически переносные и собственно переносные. При этом они опираются на методы возникновения и формы функционирования этих видов переносных значений слов. Так, Ж. М. Гусев считает, что генетически переносные значения слов возникли в результате переноса названия одного предмета на другой и поэтому являются переносными лишь по своему возникновению и функционируют они как прямые значения слов. А собственно переносные значения, в отличие от первых, возникают на базе метафоричного переноса и обладают экспрессивно-эмоциональной окраской [10, 24]. Последние имеют специфику своего функционирования. Они, например, не могут настолько свободно и самостоятельно выступать в контексте, как основное и другие прямые значения слова. Употребление переносных значений слов связано с ситуацией и обуславливается контекстом. Сравните примеры: *юйре*: 1) «разбухнуть, раздаться (о зерне)». *Ынна къапчыкъдан табакъны бели бла бир туй алды да, аны кирип ариулап, юйрей турсун*

ден, юсюне суу кзуюп, тепсини юсюне салды (Фольк.). «Бабка достала из бурдюка полчашки пшена, почистила его, налила в него воды, чтобы оно разбухло, поставила на треножник»; 2) переносное: «плодиться, расплодиться, размножаться, размножиться». *Байны сюрюдегиси юйрер, жарлыны юйдегиси юйрер* (Нарт сёз). «У богача плодится (что) в стаде, у бедняка (что) в семье».

Одним из нечастотных, но очень эффектных примеров употребления переносного значения слова является использование его в эвфемистических целях. Сравните основное значение, переносное значение и эвфемистическое значение слова *кзатыл*: 1) «тронуть, слегка прикоснуться». *Виктор тенгине тюрслеп кзарады, кзол аязы бла аны мангылайына кзатылды* (Э. Гуртуев. Азретни кзууанч кюню. С. 72). «Виктор внимательно посмотрел на товарища, слегка прикоснулся ладонью ко лбу»; 2) переносное: «ударить, хлестнуть». *Кзарт, ачыуун арбачы жашдан алыр умут этип, тыягзы бла аны жамаулу аркзасына кзатылды* (З. Толгуров. Эрирей. С. 99). «Старик, рассчитывая сорвать (свое) зло на молодом извозчике, хлестнул его (своей) палкой по заплатанной спине»; 3) эвфемистическое значение: «изнасиловать, обесчестить». *Сора жаш кзызга кзатылырга умут этгенди* (Фольк.). «Потом парень задумал обесчестить девушку»; *Кзыз жашха: Сен манга кзатылсанг, неях этгинчи, иш аман болур* (Фольк.). «Девушка парню: (Если) ты меня обесчестишь до венчания, дело будет худо».

Как явствует из примеров, элементы утаивания в переносном значении слова специфически проявляются в контексте. Эвфемистический тип шифровки мысли обуславливается не только самим контекстом, но и некоторыми жанрами художественного и устного народного творчества. Так что этот способ функционирования значения слов можно считать традиционным. Иногда эвфемистическое значение слова перерастает даже в омоним. Например, ср.: *юйдеги I* «семья». *Ичгичини юйдегиси ашсыз жатар* (Нарт сёз). «У пьяницы семья без ужина ляжет (спать)»; *юйдеги II* эвфемизм: «супруга, жена». *Назбий зор жол бла юйдегисин окзууга салгынчы тынчлык тапмады*. (О. Хубиев. Жукъусуз кечеле. С. 221). «Назбий не сумел успокоиться, пока не устроил супругу нелегальным путем на учебу».

Нам представляется, что появление подобных омонимов происходит в результате расширения функций одно-

то из соответствующих переносных значений слова, элементы скрытности которого переходят в эвфемистические, впоследствии они усваиваются всеми носителями языка. В таких омонимах наблюдается генетическая связь с производящим словом, хотя лексико-коммуникативный статус производного и базового слов становится равным.

По своим функциональным возможностям переносные значения слова близки с его контекстуально обусловленными значениями, которые наиболее зависимы от контекста и строже регламентированы в сочетаемом отношении. Сравните основное, переносное и обусловленные значения глагола *кѳакѳ*: 1) «стучать, постучать». *Экинчи кюнню эртденлигинде, жашла келип, терезени кѳакѳгѳанда, тюненеги оноуубуз эсима тюшюп, мен кѳоркѳгѳан да бир этдим.* (Э. Гургуев. Мёлекледе кѳонакѳда. С. 25). «Наутро следующего дня, когда пришли ребята (и) постучались в окно, вспомнив (наш) вчерашний договор, вмиг я испугался»; 2) переносное: «поддевать, поддеть». *Биягѳы кесин кѳакѳгѳанларын Шамил сизди да, аузун ачип, жукѳ айталмай, озун кетди* (Ж. Залиханов. Жаннган жюрекле. С. 207). «Шамиль сообразил, что опять поддевают его, и прошел мимо, не раскрыв (своего) рта, не сказав ничего»; 3) (*тѳешекни, жастыкѳны* д. а. к.) *кѳакѳ* «встряхивать, встряхнуть, встряхивая, выбивая очистить от грязи, пыли (матрац, подушку и т. п.)». *Тѳешек, жастыкѳланы кѳагѳып, Жабыулары кѳурутдум, Агѳырыкѳлагѳа тагѳып* (Х. Кулиев. Жулдузчукѳла. С. 20). «Выбив (пыль) из матрацев и подушек, высушила простыни, развесив на бельевые веревки»; 4) (*чалгѳыны, чаганы* д. а. к.) *кѳакѳ* «отбивать, отбить (косу, тѳяпку и т. п.)». *Чалгѳы таплай билмеген жашланы чалгѳыларын Астакку кѳагѳып бериучюдю* (С. Лайпанов. Гургумлу. С. 99). «Косы ребят, которые не умеют налаживать косу, отбивает Астакку (и) отдает».

В последнем примере, в использовании значения *кѳакѳ* «отбивать», помимо контекстуальной обусловленности его функционирования, содержится стилистический оттенок пренебрежения, который выражает некачественность действия.

Для обозначения понятия «отбивать» (косу) в карачаево-балкарском языке существует слово *тише*. Например: *Биринчи бригадагѳа Ахмат да кѳошулуп, бешкѳарыш чалгѳысын жютю тишеп, чала эди* (Б. Гуртуев. Адилгерий. С. 135). «К первой бригаде примкнул и

Ахмат, остро отбив (свою) косу, косил»; *Ол (Мустафа) дуру юсюнде олтуруп, чалгъы тишей турады* (А. Теппеев. Кюн батмайды. С. 171). «Он (Мустафа), сидя на скошенной траве, отбивает косу».

Из примеров видно, что слово *тише* нейтрально передает понятие «отбивать». А для выражения определенных эмоциональных отношений к данному процессу могут быть использованы некоторые соответствующие значения и других слов. Например, ср.: *Жашым, кесими кёзюм жетмейди, мени чалгъымы да бир жортдуруп бер.* «Сын (мой), у самого не хватает зрения, отбей (букв.: пробежись, постукивая, по косе) и мою косу»; *Бригадир: Хасан, ол жаш-кёушланы чалгъырларын да жортдуруп бер ансы, борбайсыз болурла* («Заман»). «Бригадир: Хасан, отбей (пробежись постукиванием) косы этих пацанов, а то свалятся с ног».

В первом случае слово *жортдур* стариком употреблено не для того, чтобы молодой косарь и вправду «пробежался по косе постукиванием», а как бы для смягчения просьбы, для представления объема работы несколько меньше, чем на самом деле есть. И еще: старика стесняет то, что он обременяет косаря. И в то же время он желает получить хорошо отбитую косу. Поэтому он в контексте намекает, что, мол, сам это качественно сделать не может из-за слабого зрения.

Во втором же примере бригадир просит Хасана тоже «пробежаться постукиванием по косам» ребят. Однако он не надеется, не требует и не ждет качественного отбивания кос, хотя и не прочь, если Хасан отобьет их хорошо. Отбивать косы молодых ребят, видимо, не обязанность Хасана. И чтобы он не возмутился и не отказался от этого, бригадир тоже преподносит просьбу в мягкой форме. И тут же он, называя ребят *жаш-кёуш* «желторотые пацаны», подчеркивает свое неуважение к ним как к косарям-работникам, тем самым поднимая авторитет Хасана как опытного наставника-косаря. Хотя ребят бригадир по-человечески жалеет.

Для того чтобы передать содержание предполагаемой недобротной, некачественной, формальной работы, связанной с отбиванием кос, годились не всякие глаголы, их формы и значения. Их было всего несколько. Выбор пал на слово *жортдур* не случайно, а потому, что оно в семантике содержит элемент «быстроты и легкости» протекания действия.

Значение глагола *жортдур* определяет вид ходьбы лошади, мула, осла, а если перенести его на человека, — выражает отрицательное отношение автора речи к объекту или к его действию. Но, употребив глагол в этом значении в наших двух примерах, автор речи выражает в первом случае отношение старика к самому себе (формально унижительным тоном) через отбивание косы, а во втором — отношение представителя старшего поколения к молодым ребятам, тоже через отбивание косы. Поэтому в содержание этого слова в рассмотренных нами примерах вложен характер национальных отношений, организация специфической для носителей этого языка речи диалога.

Таким образом, в организации речи, при использовании слов, их форм и значений имеет смысл не только лексическая сочетаемость, близко окружающий контекст, конкретная языковая ситуация, но и логически правильное употребление лексических средств, не искажающих национального характера общенародного языка. В этом отношении следует проявлять особую бдительность, требующую максимально точного выражения с помощью правильного использования функций значений употребляемых лексических средств языка в художественном творчестве.

В случае, когда любое значение слова — потенциальный объект, понятие родового трансформируется в единичное и единственное. Если даже такое слово имеется в других, и в особенности родственных языках, вместе с тем почти ни в одном из них в данном значении может не употребляться.

Специфическое содержание принимают значения слов, приобретенные при переходе общего содержания к конкретному смыслу и наоборот.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, одним из наиболее продуктивных приемов для детализации объекта считается использование аффикса первого лица единственного числа. Например: *къыз* «девушка» — *къызым* «дочь (моя)», *жаш* «парень» — *жашым* «сын (мой)», *эгеч* «сестра» — *эгечим* «сестра (моя)», *бала* «дитя» — *балам* «дитя (мое)» и т. п.

Расширение или сужение значения слова имеет смысл как в семантическом, так и функциональном аспекте. В ряде случаев новое значение слова может стать более функциональным и вытеснить своего базового конкурента. Таких примеров достаточно много во

всех языках. В карачаево-балкарском языке, например, как отмечает И. М. Отаров, слово *чепкен* обозначало «домотканое сукно». Позже этим словом стали определять черкеску (кавказскую мужскую национальную одежду), которая изготовлялась из домотканого сукна [11, 92]. Но если ко всему сказанному добавить, что в карачаевском регионе это слово имеет родовое значение «платье», то станет налицо расширение значения слова *чепкен*.

Сравните также изменения значений слова *жау* «масло, жир». Вначале слово *жау* означало только «жир» в карачаево-балкарском языке (в ДТС «жир, масло», с. 223), а для обозначения сливочного масла имелось слово *май*, позже которое стало архаичным. В настоящее время слово *жау* обозначает родовое понятие «масла» и «жиры», правда, в конкретном случае используют соответствующий компонент. Поэтому такое расширение значения сопровождается также расширением сферы употребления, сочетаемостных возможностей и увеличением функциональной активности слова.

На подобные семантические сдвиги и функциональные изменения оказывает влияние экстралингвистическая среда, развитие культуры общества, двуязычие, научно-технический прогресс и т. п. В результате этого некоторые слова заменяются заимствованными в определенных функциональных ситуациях, отдельные значения собственных или исконных слов приобретают новые, дополнительные значения, отражающие современность. Для карачаево-балкарского языка специфично использование исконных и собственных слов в нетипичной среде, в результате чего появляется контекстуальное значение. Справедливые для логики и психологии носителей языка варианты закрепляются и осваиваются литературным языком. Используя это новое значение, человек опирается на понятийное и на объективное содержание слова одновременно. Однако вслед за этим встает вопрос в плане использования этого значения слова внутри диалекта или отдельного художественного целого. Задача заключается не только в том, чтобы понять друг друга в интерпретациях стилевых закономерностей, но и в том, чтобы найти точки соприкосновения лингвистических рамок, находящих выражение в развитии языка художественного творчества. Для этого необходимо выявить различные механизмы функционирования слова в специальных контекстах, в повседневном языке и в языке словесного искусства.

Отсюда вытекает задача выявления функциональных особенностей слов и их отдельных значений в роли термина, в разговорно-бытовом языке и возможности использования их в художественной речи.

В связи с тем, что в карачаево-балкарском языке научная и техническая терминология не устоялась, трудно определить и выделить специальные значения всех функциональных слов. Это осложняется и тем, что в переводных текстах некоторые авторы, стремясь сохранить чистоту языка, используют общеупотребительные исконные слова в роли терминов. Если учесть, что при создании терминологической базы карачаево-балкарского языка основным материалом для формирования специальной лексики послужили исконные и собственные слова родного языка, то, безусловно, можно считать, что многие лексические единицы имеют специальные значения. Следует отметить, что не все они одинаково лексикализировались, однако многие из них достаточно устоялись, чтобы уверенно квалифицировать их как терминологические значения. Например: *кюрек*: 1) «лопата», 2) «лопата трактора»; *кушаш*: 1) «рыхлительное (примитивное) орудие», 2) «ковш (экскаватора)»; *галакур*: 1) «мурава», 2) «глазурь»; *уста*: 1) «лекарь», 2) «врач // ветврач»; *зыгыт*: 1) «молодые всходы», 2) «рассада (хозяйственная)»; *жигит*: 1) «молодец», 2) «герой (произведения)» и т. п. Подобные примеры наглядно подтверждают существующее в лингвистике положение о непрременной системности значений слова и вытекающее отсюда утверждение о единстве и взаимообусловленности всех значений полисемичного слова.

Активное функционирование инварианта может обусловить трансформацию его на доминирующее значение, а при активной конкуренции со своим базовым значением перерасти в самостоятельное слово — омоним. Например: *ат I* «имя собственное», *ат II* «имя существительное»; *сыфат I* «вид, облик», *сыфат II* «имя прилагательное»; *этим* «способность выполнять что-либо», *этим* «глагол».

Иной раз причиной перерастания значения слова, обозначающего специальное понятие в омоним, служит не конкуренция между внутренними значениями слова, а конкуренция между производящим значением слова и его синонимом, при котором ослабляются позиции прямого значения слова. Например: *селегей I* «слюна» — *селегей II* «ящур»; *арна I* «ячмень» — *арна II* «ячмень (бо-

лезнь)». В этих примерах мы продемонстрировали языковой факт, результат следствия семантического развития слова. Однако для того, чтобы понять это языковое явление, необходимо этот процесс рассмотреть в функциональном аспекте. Так, со словом *селегей* «слюна» в частотности употребления соперничало в бытовой речи слово *шыты* «слюна (скота)», несмотря на то, что последнее слово представляло низкий стиль, из-за активности *селегей* в значении «ящур» укрепляло свои позиции. Свободно функционируя, *селегей* в специальном значении не только выделилось в самостоятельное слово, но и выбилося в доминирующий термин, обозначающий «ящур», вытеснив своих соперников *аякъ ауруу* «ящур», *тил ауруу* «ящур» и даже свой русский эквивалент, тем самым приобрело родовое понятие.

Почти аналогичный путь прошел термин, обозначающий болезнь «ячмень». Ср.: *арна I* «ячмень» — *арна II* «ячмень (болезнь)». Следует лишь заметить то, что здесь конкуренция была между базовым значением слова и его дублетом *ашлыкъ* «ячмень». В результате в современном состоянии карачаево-балкарского языка в значении «ячмень (культуры)» употребительны и *арна* и *ашлыкъ*. Они различаются лишь стилистически.

При омонимизации же этих слов, при терминологизации значений общенародного слова, фактически использована старая «языковая оболочка» для нового означаемого [12, 27]. Это типичный случай, при котором полисемия настолько расходится, что перерастает в омонимию.

Иной раз переход значения слова остается половинчатым. Поэтому трудно бывает оценить степень разрыва смысла между производным и производящим значениями слова. Это затрудняет свободное функционирование нового значения в роли термина, что влияет на качество его лексикализации. Подобные случаи также путают лексикографов в их практической работе, следствием чего становятся ошибки в различении полисемии и омонимии [10, 88—89].

Выше мы рассмотрели случаи, когда терминологический оттенок общеупотребительного слова в связном тексте приобретает самостоятельное значение или даже выделяется как самостоятельное слово — омоним.

В языковой действительности зафиксированы другие случаи, когда специальные слова приобретают дополнительные значения. Например, *канкурак*: 1) «распределитель зерна для жернова (в мельнице)», 2) перенос-

ное: «напрасный труд, мартышкин труд». *Жыл къыйынынг — канкурак* (Нарт сёз). «Годовой труд — понапрасну»; *алмосту*: 1) «снежный человек», 2) «лохматый человек»; *сылхыр*: 1) «вертячка, ценнуроз», 2) «глухой»; *чончайма*: 1) «овца короткохвостая (порода)», 2) «о конституции (женщины)»; *айгъыр*: 1) «жеребец», 2) «о непослушной женщине» и т. п.

Несмотря на то, что многие ученые требуют от терминов однозначного соотношения означаемого с означаемым, полисемия все же имеет место в терминосистемах, а особенно в сфере народной терминологии. Последние складывались в тесной связи с общенародной лексикой и включали в свой состав термины различного в генетическом плане происхождения.

Терминологическое значение ряда таких слов с демократизацией лексики карачаево-балкарского языка упразднено. Однако они еще сохранили оттенок «специального» и этим отличаются от обычных, общеупотребительных слов. Этому способствовало сохранение ими своего номинативного значения в качестве основного. Дополнительные значения таких терминов контекстуально обусловлены. Поэтому лишь контекст, ситуация общения создают условия для их проявления. При такой зависимости дополнительного значения от связанного текста основное значение слова может оставаться неизменным.

Есть разница и между функциональными сферами этих значений слова. Так, терминологическое значение более употребительно в специальных текстах. Дополнительное значение может применяться в художественном произведении, где писатель может проявить свою индивидуальность в образном слове. Эти значения хорошо демонстрируют стремление автора речи при помощи образного переосмысления слова сделать его более емким в смысловом отношении. И стилистическая установка на усиление выразительности слова вполне согласуется здесь с общими законами семантического развития слова.

Таким образом, при появлении терминологических значений общеупотребительного слова пополняется специальная лексика, а при возникновении дополнительного значения специального слова — развивается, в основном, разговорный разряд лексики общенародного языка. При первом и втором случаях нарушается стилистическое единство слова. Далее эти значения слова

входят в различные синонимические ряды. Подобное многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова, как отмечает В. В. Виноградов, сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике [13, 20]. В то же время соответствующее нормативное значение слова закрепляется за определенными сферами коммуникаций. Например, за научным стилем может закрепиться значение слова с оттенком книжности, за художественной литературой — с разговорным или просторечным значением, за одним из регионов функционирования карачаево-балкарского языка — соответствующее специфическое значение и т. п.

Категоричное выделение отдельных книжных значений ряда слов в исследуемом языке пока еще вызывает сомнение и споры. Однако по признаку частотности их употребления в письменной речи и некоторым другим параметрам, в том числе и интуитивным, они находятся на стадии закрепления за книжным стилем. Это обуславливается иной раз и тем обстоятельством, что некоторые значения слов, заменяя близкие им по смыслу заимствования, становятся адекватными последним в родном языке, тем самым поднимая свой литературный статус. Например, слово *кюлкюлюк* имеет значение «посмешище»: *Кеси кюлкюлюк адамгъа кюлюр* (Нарт сёз). «Сам посмешище, над (другим) человеком смеется», а другое значение «смехотворность» в последнее время стало более употребительным в письменной речи: *Бюгюнлюкде капиталист системада экономика къарыусуз айныйды демекликни кюлкюлюлюгю кимге да белгилиди* («Заман»). «Сегодня всем известна смехотворность высказывания, (якобы) при капиталистической системе экономика развивается слабо».

Некоторые слова имеют такие определенные значения, которые твердо закрепились за низкими стилями языка. Это в основном просторечные и разговорные значения нейтральных слов. Например, слово *къасмакъ* имеет два значения: 1) «остатки пищи на стенках посуды»: *Келин челекни къасмагъын къырмайды* («Жюрек жырлайды». С. 210). «Невестка не вычищает ведро от остатков пищи»; 2) «наслоение грязи на теле, цыпки»: *Къойчу къасмакъ къоллары бла жарылгъан эринлерин жабаргъа кюреше эди* (Фольк.). «Чабан (своими) покрытыми цыпками руками старался прикрывать (свои) потресканные губы».

Как видно из второго примера, второе значение слова *къасмакъ* имеет низкий стилистический оттенок и в спё-

циальном контексте может быть заменено нейтральным словом.

Еще строже обстоит дело с использованием грубо просторечных значений слов. Например, ср.: юр: 1) «лаять»: *Ит болмагъан жерде тюкю юрюр* (Нарт сёз). «Где нет собаки, там лисица лает»; 2) груб. простореч.: «гавкать (о человеке), ругать, бранить, накричать»: *Хажимуса юйдегисине: Бюгюн жыйылыуда мени кёп хитерими кёрген, бир к'бауум бетсизни мени юсюме юргенлерин эшитсенг, ачыудан жюрегинг жарылыр эди* (И. Боташев. Пьесала. С. 154). «Хажимуса супруге: Если бы (ты) слышала, как гавкали на меня некоторые бессовестные, которые не раз пользовались моими услугами, от злости лопнуло бы (твое) сердце». Употребление таких, грубо просторечных слов в художественных текстах должно быть стилистически строго мотивировано. Такие значения слов прочно закреплены за нелитературно просторечным стилем языка.

Большой интерес для решения проблем лексической стилистики представляет использование стилистически закрепленных значений слова, между которыми произошла смена функциональной активности. Например, в карачаево-балкарском языке некогда активно функционировало слово *курсабай* «курсант», которое сейчас архаизировалось. Однако временная активность этого слова породила второе значение, которое закрепилось в просторечии в смысле «щеголь, модник, форсун». Несмотря на то, что производящее слово было вытеснено заимствованной формой «курсант», его второе значение твердо закрепилось в просторечном пласте лексики рассматриваемого языка. Таким образом, с отмиранием производящего значения слова *курсабай* «курсант» его производное значение «франт, пижон, стилинга» стало доминирующим и активизировало свои функциональные качества в сфере просторечной и разговорной лексики.

Необходимость строгого соблюдения стилистической закрепленности значений слов наиболее ярко проявляется на примерах функционирования региональных значений некоторых лексических средств карачаево-балкарского языка. Дело в том, что в использовании исконных и собственных слов, значения которых имеют отличительные друг от друга региональные оттенки, выражается специфика сути семантической природы словарного богатства общенародного языка и характер реализации нормативной лексики, обусловленных самой

формой функционирования литературного карачаево-балкарского языка.

Региональные особенности значений слов имеют две формы:

1. Значения одного слова, отличающиеся друг от друга просто смыслом. Например, в слове *кылды*: а) в карачаевском регионе — «мокрый (об одежде)». *Жашла кылды кийимлерин тешип сыгъадыла* («Ленинни байрагъы»). «Ребята, сняв мокрую одежду, выжимают»; б) в балкарском регионе — «жирный, толстый». *Бир уллу кылды киши эшикден тышына къарады* (Фольк.). «Один большой жирный мужчина выглянул из двери наружу».

2. Значения одного слова, имеющего антонимичные смыслы. Например, в слове *жанла*: а) в карачаевском регионе — «удаляться, уходить, отойти, отступить, уйти в сторону»: *Бир белек замандан жаш эфендини хыйларарын эслеп, андан жалларгъа умут этгенди* (Къарачай халкъ таурухла. С. 125). «Через некоторое время парень, поняв хитрость муллы, решил отойти от него»; *Полковник хыны этгенинде, Коля алайдан шыбыртсыз жанлагъан эди* (О. Хубиев. Адамла. С. 61). «Когда полковник упрекнул, Коля ушел оттуда без шума»; б) в балкарском регионе — «подойти близко, приблизиться, встать рядом». *Ачахмат къобуп, трибунагъа жанлай келеди* (Ж. Залиханов. Жаннган жюрекле. С. 47). «Ачахмат встал, начал (приближаться) к трибуне»; *Аминат аны къатына жанлап, Аслижанны башын ёшюнюне салып къучакълады* (Х. Кадиев. Тамата. С. 16). «Аминат подошла к ней, обняла Аслижан, прижав (ее) голову к (своей) груди».

Такие значения слов должны употребляться автором речи с осторожностью, со знанием региональных особенностей их функционирования. Однако региональную антонимичность значений слова можно искусно использовать в словесном творчестве. Например, как в карачаево-балкарском фольклоре: *Ашхылыкъгъа жанлагъан — Аманлыкъдан жанлар* («Малкъар нарт сёзле». С. 69). «Кто хочет приблизиться к хорошему (доброму), тот отойдет от плохого (злого)».

Употребление различных значений многозначного слова в одном контексте требует особого мастерства [14, 7]. Здесь помимо языкового явления необходимо учесть и психологический фактор, где «выражается отношение мотива к цели», которые находятся в переплетении в связной речи и смысл выражается в значениях, а мо-

тивы — в целях. Как объясняет А. А. Леонтьев, «значение существует для субъекта в двойном виде: с одной стороны, это объект сознания, с другой — способ и механизм осознания». «Они (значения слова.— М. У.) входят в систему общественного сознания, являются социальными явлениями, но одновременно они входят в систему личности и деятельности конкретных субъектов, являются частью индивидуального сознания» [15, 8—9]. Поэтому при реализации значений слов следует соблюдать языковые традиции и сочетать с ними авторское их употребление, наиболее искусно используя возможности лексической и грамматической полисемии. Подобная задача представляет собой наибольшую трудность и осложняется малоизученностью стилистических возможностей многозначности слова в тюркских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гей Н. К. Некоторые неизученные аспекты стиля // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М., 1982.
2. Аникина А. Б. Значение и смысл художественного слова // Значение и смысл слова. Художественная речь, публицистика. М., 1987.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1934.
4. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981; Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1979; Леонтьев А. А. Язык, речь и речевая деятельность. М., 1969.
5. Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
6. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
7. Оруджев А. А. Теоретические обоснования к «Толковому словарю азербайджанского языка»: Автореф. докт. дис. Баку, 1962.
8. Сорокин Ю. С. Материалы дискуссии по вопросам омонимии // ЛС. 1960. Вып. 5
9. Юлдашев А. А. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972.
10. Гузев Ж. М. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985.
11. Отаров И. М. Некоторые семантические процессы в терминологии одежды и обуви // Вопросы лексики и семантики караево-балкарского языка. Нальчик, 1984.
12. Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.
13. Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., 1947.
14. Малкандуева А. З. Многозначность глагола в современном караево-балкарском языке: Автореф. канд. дис. Нальчик, 1970.
15. Леонтьев А. А. Формы существования значений. М., 1983.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СИНОНИМОВ И СТРУКТУРА СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА

Несмотря на то, что синонимы выражают одно и то же понятие, т. е. являются словами с тождественными или предельно близкими значениями, они имеют отличную друг от друга стилистическую окраску, различаются дополнительным оттенком функционального или экспрессивного характера. Это значит, что наряду со сходствами, между синонимами существуют и различия [11, 186]. Основным критерием при установлении и разграничении синонимов является семантическая близость слов. Однако наличие в языке нескольких лексических единиц для обозначения одного и того же понятия оправдывается и обуславливается различием выполняемых ими функций [14, 3]. Совмещение общего и отличного в одном слове дает возможность избегать повторов, более точно, красиво излагать мысль, помогает ярче отражать эмоции говорящего и лучше понимать его слушателем. Таким образом, сама природа синонимов и функции, которые они выполняют, определяет формы использования их в различных стилистических слоях языка.

В принципе любая лексическая единица способна быть стилистической и являться средством выражения того или иного стиля в тех или иных средах и условиях общения. Традиционность использования той или иной лексической единицы в определенных речевых условиях, ее специфическая прикрепленность к определенной сфере общения проявляет в ней функциональную окраску [9, 37]. Поэтому вопрос об использовании синонимов теснейшим образом связан с функционированием лексико-стилистических средств языка. По мнению А. И. Ефимова, отражающему общепризнанную точку зрения, «синонимика речевых средств — центральная проблема стилистики» [6, 252]. Вместе с тем Т. Г. Винокур отмечает, что на уровне употребления синонимия теряет часть ведущих позиций [5, 35]. Следовательно, стилистические функции и стилистическая интенсивность синонимов определяются как их постоянной, внутриязыковой стилистической функцией, так и характером их реализаций [3, 22].

Стилистические функции синонимов неразрывно связаны с проблемой стилистической дифференциации лексики языка [16, 100—133]. В художественном, общественно-политическом, учебно-педагогическом, разговор-

ном и просторечном стилях имеются слова, которые преимущественно употребляются в одном из них и поэтому несут на себе отпечаток определенной среды употребления. Этим объясняется неоднородность природы синонимии в стилистическом отношении. В этом плане каждый синоним имеет свои функции, свое назначение. Например: в литературном карачаево-балкарском языке понятие «брюки» передается нейтральным словом *кёнчек*, которое в просторечии имеет синоним *шалбар*; в нормированной речи понятие «работать» выражается нейтральным словом *ишле*, которое в книжном стиле заменяет *урун-*; ср. также: *аша-* (нейтр.) «есть, кушать»/*ауузлан-* (разг.) «перекусить»/*къан-* (разг.) «уписывать»/*буштукъла-/тыкъла-* (разг.) «уплетать»/*сокъ-/къыстыр-* (прост.) «жрать»/*сюрт-* (груб. прост.) «лопать».

Основными функциями синонимов в литературном карачаево-балкарском языке является обеспечение стилистической единообразности, исключение повторов, избежание искажения информации. Эта проблема тесно связана с выбором слова и лексическим варьированием. Например: *Республикабызны маданият, санат жашауунда ол («Минги Тау» журналны къуралыуу) бек магъаналы ишди* («Минги Тау». № 1. С. 5). «В культурной, искусствоведческой жизни (нашей) республики это (учреждение журнала «Минги Тау») важное событие». В этом предложении слова *маданият, санат* соответственно могли быть заменены синонимами — культура, искусство. Однако автор, для того чтобы весь контекст имел одну стилистическую тональность, предпочел именно использованные им лексические единицы. В другом случае автор, чтобы избежать повтора, воспользовался синонимической парой: *Битеу литературадача, бизни малкъар адабиятны да бек бийик мураты ёсюп келген жаш тёллюе ишде, юйде да... ариу къылыкъгъа, ишге, низамгъа да алдан юйренир кибик, хунерлери болгъан алимлени, сабанчыланы, малчыланы уста суратлап кёргюзте билмекликди* («Минги Тау». № 1. С. 8). «Как всякая литература, так и наша балкарская литература должна быть призвана воспитывать подрастающее поколение на работе, в быту... прививая ему хороший характер, (любовь) к труду, (уважение) к дисциплине на примере ученых, хлеборобов, животноводов, умело обрисовывая их (жизненный путь)».

Что касается региональных функций синонимов в карачаево-балкарском языке, то они сводятся к тому, что карачаевская и балкарская стороны во многих случаях

предпочитают свои доминанты, которые по специфике функционирования литературного языка оправданы. Поэтому при использовании синонима необходимо учесть эту особенность языка. Ср., например: *Юйдеги кзурау адетлени джангыртыу ишде берне бла къалынны тюбелек кзурутуб къоймакълыкъ асыры тынч тюлдю* [7, 234]. «При обновлении свадебных обрядов не так-то легко окончательно искоренить приданое и калым». В балкарском варианте вместо слова *тюбелек* был бы использован его региональный синоним *арталлы*. В силу таких обстоятельств становятся различными функции членов одного синонимического ряда. Например: *Фашистле уруш ачханларындан сора уа, ала сунганча болмай, совет халкъла бары да бирден, къая кибик, социалист Ата журтлары кзоруулар ючюн сюелип тохтагъанлары кёргендиле.* («Минги Тау». 1985. № 2. С. 3). «Когда фашисты начали войну, их надежды не оправдались, они увидели, как советские народы стали едины, как скала, чтобы защитить (свое) социалистическое отечество». Ориентируясь на материалы «Карачаево-балкарорусского словаря», можно допустить, что в карачаевском регионе в приведенных примерах вместо *уруш* было использовано слово *къазауат*, а вместо *къазауат* — *уруш*.

Определяя стилистические функции синонимов в карачаево-балкарском языке, можно выделить следующие основные возможные ситуации их использования:

- 1) как дополнение друг к другу, для точного выражения;
- 2) для создания эмоционального эффекта;
- 3) как региональную особенность литературного языка;
- 4) для передачи определений терминов;
- 5) при строгой лексической сочетаемости;
- 6) для достижения определенной стилистической цели автором речи;
- 7) для пояснения заимствованного слова;
- 8) для пояснения архаичного или редкоупотребительного слова;
- 9) для образования сложных слов с собирательным значением;
- 10) для характеристики героя художественного произведения или автора речи: а) региональной особенностью; б) диалектной чертой; г) социальной среды.

Такое оправданно широкое использование синонимов в языке и есть ответ на вопрос об избыточности не-

скольких слов для передачи одного понятия. К тому же мы придерживаемся мнения, что в языке нет лишних слов. В этой связи уместно вспомнить слова В. К. Фаворина о роли синонимов: «Жестoko заблуждается тот, кто думает, что изобилие слов в языке — излишняя роскошь, что достаточно знать лишь минимально необходимое количество слов, чтобы содержательно и точно излагать свои мысли. Слов без значений нет. Каждое слово в языке выражает определенное значение, не совпадающее со значением даже очень близких по смыслу слов» [18, 61]. В первую очередь, благодаря таким словам передаются различные оттенки значений, весь комплекс человеческого воображения, самый широкий диапазон людских чувств — от величайшего накала страстей до тончайших переживаний. Эти возможности определяются как статикой, так и динамикой слова, как содержательной глубиной синонима, так и смысловым оттенком, эмоциональной, выразительной точностью его употребления. Искусство же выбора, употребления, использования смысловых и стилистических потенциалов слова и создания контекстуальных смыслов является процессом творческим, успех которого определяется мерой таланта, чувством языка и стиля, а также общей филологической культурой [3, 6].

Структура синонимического ряда наиболее наглядно отражает стилистическое расслоение лексики общенародного языка. Стилистические особенности синонимического ряда проявляются различными способами: они могут быть выражены в виде лексических особенностей регионального характера, диалектной речи, разговорных или просторечных форм. Однако определяющим в таких группах слов является конкретное сочетание тех или иных синонимов и их практическое или потенциальное применение в стилистическом плане [10, 22—37]. Исходя из понимания стилистических явлений как процесса в результате выбора языковых единиц, в целях адекватного воплощения соответствующего содержания, стилистическая функция определяется как особая роль синонимических средств, организованных соответствующим образом в целях достижения различного в каждом конкретном случае эффекта [3, 51]. При осуществлении стилистических функций синонимического ряда каждый конкретный случай выступает как позволяющий выбрать соответствующий член, наиболее подходящий содержанию данного сообщения. Нарушение законов традиционного и узуального словоупотребления воспринимается

как речевая ошибка, которая разрушает общепринятое стилистическое согласование элементов высказывания, объективную эстетику речи [4, 13]. Поэтому стилистические нормы в широком смысле слова означают обязательные в данное время закономерности отбора и организации лексических норм в различных системах выразительности, в системах функциональных стилей или жанровых стилей, а также в системах соответствующих индивидуальных стилей [12, 118].

Синонимическое богатство карачаево-балкарского языка позволяет с предельной точностью выразить мысль, передать точнейшие оттенки национальной психологии, сделать речь образной, оригинальной, избежать искусственности и других нежелательных эксцессов.

Состав синонимического ряда, как известно, может быть различным. В один синонимический ряд могут объединяться слова из различных стилистических пластов лексики. Однако в каждом языке состав такого ряда может быть различным. Например, для наглядности рассмотрим состав синонимического ряда в карачаево-балкарском языке, передающий понятие «петух»: балкарские — *хораз* (доминант) // *адакъа* (сравнительно менее употребительное слово) // *къычырыучу* (разговорное) // *къызылбаш* (просторечное) // *эркек* (ц. диал.) // *къыттай* (ч. диал.); карачаевские — *гугурук* (нормативное слово) // *гугурукку* (разговорное). Три члена данного синонимического ряда: *хораз* // *адакъа* // *гугурук* считаются нормативными лексическими единицами. Но *хораз* и *адакъа* функционируют исключительно в балкарском регионе и причем первое слово является исконным и более употребительным, а *гугурук* характерно для карачаевского региона. Как видно из примера, помимо нормативных слов, в этот синонимический ряд входят представители почти всех пластов лексики общенародного языка. Особо следует заметить, что здесь представлены оба диалекта карачаево-балкарского языка и оба региона. Все это дает возможность заключить, что в один синонимический ряд могут быть объединены слова с различными литературными статусами и различными стилистическими характеристиками.

По специфике функционирования современного карачаево-балкарского языка, которому присущи региональные нормы [16, 56], члены синонимической пары или синонимического ряда имеют различные по степени употребительности возможности. Например: *сохта* // *окуучу* // *школчу* «учащийся, ученик». *Сохта* в карачаев-

ском регионе является нормативным словом, а в балкарском регионе оно считается архаизмом. В значении «учащийся, ученик» в 60-е годы в балкарском регионе свободно употреблялось слово *окъуучу*. Но со временем его значение стало расширяться и сближаться с понятием «читатель». Таким образом, стало необходимым появление нового слова для обозначения понятия «учащийся», которое соответствовало бы новым языково-эстетическим требованиям исследуемого языка. Этим словом стало *школчу*. Несмотря на такую хронологию в развитии данного синонимического ряда, в зависимости от стилистической цели его члены могут заменять друг друга. Так называемые региональные синонимические пары, как, например, *жыйрыкъ // чепкен* «платье», *ауана // кёлекке* «тень», *кикирик // мулда* «холка, загревок» тоже имеют такие возможности в художественной литературе. Вообще взаимозаменяемость членов синонимического ряда решает многие проблемы словоупотребления. В этом отношении в современном литературном карачево-балкарском языке наибольший интерес представляют синонимические пары, состоящие из исконного, или собственного, и заимствованного слов, семантический объем которых полностью совпадает: *китап* «книга», *къалам* «ручка», *назмучу* «поэт», *тазир* «штраф» и т. п. Такое явление в языке следует понимать как сосуществование в одной лексической системе разноструктурных образований. С развитием языка состав полных синонимов не может оставаться неподвижным и неизменным. Поэтому такие синонимические пары, претерпевая семантико-стилистические сдвиги, разрушаются. Один из компонентов синонимической пары может устареть или произойдет сужение сферы его употребления. Так, например, синонимическая пара *шарият* «закон» характеризуется тем, что слово «закон» в исследуемом языке постепенно вытесняет синоним *шарият*. Такое же наблюдается и в парах *тазир* «штраф», *хаким* «доктор», *муалим* «учитель» и др., где заимствованные из русского языка пары становятся доминирующими.

В карачаево-балкарском языке хорошо проявляются частичные синонимы. Это синонимы, совпадающие семантическими структурами не в полном объеме, т. е. компоненты частичных синонимов совпадают либо в своих лексико-семантических вариантах значения многозначного слова, либо значения однозначного слова совпадают с лексико-семантическим вариантом значения многозначного слова. Примеры на такие случаи наиболее

часто встречаются в художественных произведениях и в фольклорных материалах: *Жолну эки жаны бла да сабийле терекле орнатдыла* (З. Толгуров. Къызгъыл кырдыкла. С. 17). «По обе стороны дороги дети посадили деревья»; *Ол кюн салынган алма терекле кѣп кере чакъгъандыла*. (З. Толгуров. Къызгъыл кырдыкла. С. 17). «Посаженные тогда яблони уже много раз цвели». В этих двух предложениях автор в синонимичном варианте использовал слова *орнат* «сажать» и *сал* — основное значение которого «класть, положить». Поэтому второе слово здесь употреблено лишь в своем лексико-семантическом варианте «сажать».

В роли синонимов могут быть использованы также переносные значения слов. Например: *Къыз жашха кѣоркѣуп: Быллай жилиннга киши жюгенсиз минемиди, алып кѣачып чачса* (З. Толгуров. Къызгъыл кырдыкла. С. 42). «Девушка, беспокоясь за парня: На такую змею разве можно садиться без узды, вдруг увезет и разобьет». Таким образом, переносное значение слова *жилян* «змея» было употреблено как синоним слова *ат* «лошадь».

В синонимические отношения могут вступать такие слова, как *ариу* «красивый» и *хычыуун* «приятный»; например: *ариу сѣз* «приятное слово» и *хычыуун сѣз* «приятное слово». В другом лексико-семантическом варианте значение слова *ариу* «чистый» синонимично со словами *таза* и *кирсиз*, объединенными общим значением «чистый». В свою очередь, слово *таза* может входить в синонимическую пару со словом *ачыкѣ* «откровенный». Оба слова в такую пару входят в силу своих второстепенных значений: *ачыкѣ жюрекли адам — таза жюрекли адам* «откровенный человек». В синонимическом ряду *ачуланьыргѣ* // *урушургѣ* // *кѣызаргѣ* «ругать кого-либо» выступает лишь слово *ачулан*, а другие члены ряда входят в него в своих лексико-семантических вариантах. Так же реализованы слова *урушургѣ* и синонимичное ему слово *сермеширге* в значении «воевать». Например, ср.: *Узакѣ ёмюрледен бери бизни атабабаларыбыз туугъан жерибиз ючюн кѣп жаула бла урушхандыла. Бизни аталарыбыз Ата журтубуз ючюн фашистле бла жан-кѣан аямай сермешгендиле*.

Для того чтобы не было полного совпадения членов синонимического ряда частичных синонимов, один из его составляющих должен быть полисемантическим словом. Например, слова *сал*- и *бер*- полисемантические. Они в своих отдельных значениях могут выступать в синоними-

ческих отношениях: *маллагъа аш сал* букв.: «положить корм скоту (поесть)», *маллагъа аш бер* «дать корм скоту (поесть)»; почти в таких же отношениях находятся слова *тамата* и *башчы*, ср.: *къырал тамата* «руководитель государства» и *къырал башчы* «руководитель государства». Если подобные слова могут вступать в синонимичные отношения лишь в своих отдельных значениях, в языке имеются синонимы, которые могут заменять друг друга в своих основных или единственных значениях. Например: *иги* — *ахшы* «хороший», *кён* — *аслам* «много», *кирсиз* — *таза* «чистый», *батыр* — *жигит* «храбрый» и т. п. Следует заметить, что эти синонимы безусловно имеют свои оттенки и особенности в употреблении, но подобные синонимы или часть таких пар в сочетании выражают обобщенные понятия, как, например, *ахшысын-игисин аллах берсин* «пусть бог даст хорошего-наилучшего», *аманын-осалын кери этсин* «да уберезжит (нас) от плохого-худшего» (Фольк.). Особо следует отметить синонимические пары, образованные с помощью эвфемизмов [2, 14]. Это такие синонимы, которые чисто со стилистической целью в альтернативу некоторых слов были предложены более как эстетизированные варианты или, традиционно, связанные с религией или обрядом. Например: *къатын* // *юйдеги* «жена», *бёрю* // *жанлы* «волк», *аракъы* // *шайтансуу* «водка», *къуран* // *китап* «коран» и т. п. Использование таких синонимов происходит скорее всего в фольклорных материалах и в устной речи.

Появление некоторых синонимов в альтернативу отдельных грубых просторечных слов тоже может объясняться стремлением носителей языка к эстетическим нормам или окультуриванию своей речи. Ср.: *жанша* «болтать» // *сёлеш* «разговаривать», *къахме* «проститутка» // *тыйгъысыз* «(женщина) легкого поведения», *сылхыр* // *башсыз* «глупый (о человеке)». Наряду с этим также шел и обратный процесс в языке. Например: *къоркъакъ* // *зымпыкъ* «трус», *мурдар* «убийца» // *башкес* «палач», *къол* «рука» // *тыкыр* «лапа», *жарлы* «бедный» // *зыккыл* «оборванец» и т. п.

Как видно из вышеуказанного, карачаево-балкарский язык имеет развитую синонимику. Лексические синонимы помогают разнообразить речь, образно выражать мысль, точно передать национальную психологию говорящего и адекватно понять его слушающим. Они также способствуют развитию литературного языка и совершенствованию его лексико-стилистических норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаева Л.* Лексическая стилистика узбекской художественной литературы. Ташкент, 1979.
2. *Абдуллаев Б. Т.* Лексические синонимы современного азербайджанского языка // Проблемы лингвистической стилистики: (Тезисы докладов 26—28 марта). М., 1969.
3. *Азнаурова Э. С.* Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
4. *Акуленко В. В.* Норма языка и норма речи // Проблемы лингвистической стилистики: (Тезисы докладов 26—28 марта). М., 1969.
5. *Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980.
6. *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. М., 1961.
7. *Езденланы М.* Юйдеги къурауда Къарачайда бир къауум адетле.— Излем. Черкесск, 1978.
8. Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
9. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
10. *Мусабаев Г. Г.* Современный казахский язык. Алма-Ата, 1959.
11. *Пелевин Н. Ф.* Стилистический анализ художественного текста. Л., 1980.
12. *Ризель Э. Г.* Языковые и стилистические нормы (на материале современного немецкого языка) // Проблемы лингвистической стилистики: (Тезисы докладов 26—28 марта). М., 1969.
13. Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972.
14. Словарь синонимов. Л., 1976.
16. *Улаков М. З.* Проблемы карачаево-балкарской стилистики // Советская тюркология. 1986. № 3.
17. *Улаков М. З.* Стилистическая дифференциация лексики карачаево-балкарского языка // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1987.
18. *Фаворин В. К.* Синонимы в русском языке. Свердловск, 1953.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Изучение актуальных проблем лексической стилистики карачаево-балкарского языка показывает, что становление и формирование его стилей началось задолго до образования литературных норм. Характерной для наиболее раннего периода формирования систем данного языка была его ареальная дифференциация, которая явилась следствием территориального дробления и расселения генетически родственных, говорящих на различных диалектах одного из древнетюркских языков разнотрибных групп — предков карачаевцев и балкарцев. В свою очередь, это привело к локальной дифференциации карачаево-балкарского протоязыка и постепенному появлению качественно новых диалектов и говоров. В результате этого появились новые функциональные формы стилей в виде пространственно-территориальных. С дальнейшим развитием языка происходило закрепление отдельных лексико-стилевых форм за определенными сферами деятельности его носителей. Весь этот процесс протекает в зависимости от исторической функции языка, которая обуславливалась определенной социально-ситуативной заданностью общества.

Таким образом, процесс становления и формирования стилей протекал в тесном переплетении с внутренними структурами языка, развивавшимися исторически, стихийно в период длительного функционирования в рамках речевой практики.

Наряду с внутриязыковыми процессами существенную роль играли экстралингвистические факторы, которые в целом обуславливали дифференциацию подсистем языка в соответствии с изменениями в сферах их функционирования. В зависимости от конкретно-исторических условий существования народа и уровня его социально-экономического, политического и культурного развития происходило размежевание функциональных стилей языка. Эти условия оказывали значительное влияние на стилистическую систему языка, а порою для ее развития становились определяющими.

Стилистические средства, удовлетворяя социальные и субъективные потребности небольших коллективов, определенных социальных групп, выполняли соответствующие функции. Это способствовало формированию самостоятельных лексико-стилистических групп.

С усилением феодальных отношений, а особенно с проникновением капиталистических элементов в Карачай и Балкарию происходит наиболее наглядное разделение горского общества на социальные слои. Это обстоятельство обостряет классовые противоречия в данных регионах, которые влияют на активизацию дальнейшего процесса социальной дифференциации языка. Таким образом, параллельно с другими формами нарождаются и альтернативные социальные стили, соответствующие требованиям определенных социально-классовых сословий. Поэтому при коммуникации, безусловно, учитывались социальные и половозрастные особенности участников речи. Закрепились традиции, где речь строилась в соответствии с социальным и половозрастным статусом собеседников. Общей чертой этих функциональных подсистем языка является регламентированность, ограниченность социальной основы, поэтому они выступают дополнительными средствами общения отдельных социальных и половозрастных коллективов.

Рост национального самосознания, осознание единства происхождения карачаевцев и балкарцев, развитие уровня организации, устойчивые связи на производстве и быту обусловили взаимодействие всех систем языка как единого организма. Для отражения единой национальной психологии в языке существенную роль сыграли сформированные общие религиозные представления, общая мифология, общие культовые обряды и т. п.

С развитием языка, с изменениями сфер функционирования менялись его подсистемы: появились новые виды, одни исчезали, другие комбинировались. В зависимости от исторической ситуации одни из них становились доминирующими, а другие уходили в пассивный запас.

Таким образом, социальная обусловленность литературного языка, являясь одним из компонентов в потенциальном функционировании вариантных типов лексико-стилистических групп, реализует их пространственно-территориальные, жанрово-стилистические и временные модификации. Такие языковые формы возникли как в структурной организации, так и во внутренней стороне стилистической системы. Поэтому активными фактора-

ми, влияющими на социальную дифференциацию современного карачаево-балкарского языка, являются различия в соотношении и взаимодействии устной и письменной речи, значительный удельный вес «низовых» форм языка, конкуренция нормативного и ненормативного лексико-стилистических средств. Сюда же относится сопряженность территориального (регионального и диалектного) и социального распределения общенародного языка.

Питательной средой для создания социальных элементов в современном карачаево-балкарском языке являются не только региональные языковые особенности, получившие социальную оценку, просторечно-разговорные элементы, устаревшие слова, переосмысляемые в социальном плане, профессиональная лексика и терминология, заимствования или «книжные» слова, характеризующие речь определенных социальных групп, но и пополнения, хотя в меньшей мере, поступающие из вне-литературных форм речи.

II. Формирование норм карачаево-балкарского языка началось с процессом перехода диалектных форм к языковому единству в пределах складывающейся народности. В условиях отсутствия собственной письменности и слабого влияния унаследованных письменных традиций значительное влияние на становление этих норм оказали обобщенные формулы устной речи. Источником служили традиционные каноны древнетюркских наречий, сложная цепь взаимоотношений собственно диалектов [1, 10], структурные типы и социальные функции наддиалектных форм языка.

Несмотря на сказанное, из-за отсутствия текстов, фиксирующих устную народную речь этой эпохи, нет возможности воссоздать объективную картину влияния форм устной речи на формирование норм систем карачаево-балкарского языка, а лишь возможно вести речь как бы о реконструировании языковых отношений, созданных историческими условиями того времени [2, 9].

Особые обобщенные варианты устной речи предназначались в основном для ситуаций, возвышавшихся над уровнем повседневного бытового общения [3, 9]. В этом отношении наибольший интерес представляют язык фольклора и язык устно-поэтической литературы, изучаемые с лексико-стилистической стороны.

Если подходить хронологически, не меньший интерес в этом аспекте представляют публичная речь, язык обрядовых и религиозных действий, своеобразная фра-

зеология, связанная с разного рода семейными и общественными ритуалами, формулы вежливости и приветствий. Иначе говоря, вся система речевых форм, обслуживающая круг наиболее важных культурных и общественно-правовых явлений в различные периоды жизни народа. Если всю эту систему рассматривать в единстве, она определяется как особый вариант языка, отличающийся в сравнении с диалектной и региональной речью относительной устойчивостью лексических средств, отдельных грамматических особенностей, а также в некотором консерватизме звуковой стороны слов. Даже речь повседневно-бытового общения, характерная своей вариативностью, выступает как диалект по отношению к выделившейся на фоне более устойчивой и целостной в своих определяющих признаках языковой системе. Материалы показывают, что между диалектами изучаемого языка складывались определенные взаимоотношения в виде наддиалектной нормы, обслуживавшей более высокие сферы общения, в том числе устную поэзию, религиозные обряды, а также основные аспекты общественной жизни ареальных коллективов, включая судопроизводство [4, 57—69].

До создания собственной письменности это соотношение сыграло существенную роль в формировании языковых норм и оказало значительное влияние на процесс перехода от диалектных форм к общенародному языку.

Условия для формирования наддиалектных норм речи, связанных со сферами поэзии религиозных культов и социально-правовых отношений, складывались с развитыми дифференцированными формами обрядности.

С процессами труда у карачаевцев и балкарцев тесно переплетается исполнение песен [5, 5], а также плясок [6, 3]. Таким образом, словесная сторона, определенным образом организованная в формальном отношении, является элементом ритуальных действий [7, 12]. Тексты песен содержат богатый лексический арсенал [8].

Лексика фольклорных произведений, засвидетельствованная на столь архаичном материале, письменно зафиксирована после многих веков устной передачи от поколения к поколению. Для периода возникновения самих текстов была характерна так называемая актуальная форма, отличавшаяся от живой речи своими стереотипными формулами, особой лексикой, а также некоторыми архаическими особенностями грамматики и фонетики. Такую ситуацию можно себе представить для

этнолингвистической общности кыпчакской группы тюркских языков до ее распада [9, 15—56]. Как свидетельствуют архаические элементы лексики древнетюркского языка, древнейшие идейно-поэтические традиции были богато развитой ритуальной поэзией [10] и соответственно наддиалектными формами языка, отличавшимися от повседневной диалектной речи большей устойчивостью и обобщенностью.

Позднее, уже в процессе сложения карачаево-балкарской народности унаследованные тюркские наддиалектные формы речи [11, 18—28] стали основой образования общенародного языка.

С расширением общественных функций языка началась дифференциация словарного состава и по тематическим группам, в результате чего отдельные лексико-стилистические подсистемы получили соответствующую стилистическую окраску, отражающую язык профессиональной деятельности карачаевцев и балкарцев. Из них наиболее развитыми оказались термины животноводства и земледелия. Закрепленные тематические группы составили и другие народные термины, связанные с различными сферами деятельности народа, его материальной и духовной культурой, например: термины родства, астрономические термины, названия растительного мира, названия одежды и обуви, названия дорогих и цветных металлов и т. п.

Заметное воздействие на лексическую норму карачаево-балкарского языка оказали не только длительные контакты его носителей с соседями [12], но также и кратковременные сопряжения [13] с другими народами. Заимствование тех или иных элементов языка обычно сопровождалось заимствованием связанных с ним некоторых слов или их калек. Здесь отразилось устное многоязычие, которое имело трехрегиональный характер: носители ц. диалекта, помимо родного, говорили и на дигорском диалекте осетинского языка [15]; приэльбрусский регион владел сванским языком [14, 45—46]; жители центральных поселений и некоторые предгорные балкарцы владели кабардинским языком. Влияние этих языков изменило орфоэпию некоторых слов, что привело к разнобою традиционного сингармонизма [16, 18—24] и создало определенную лексическую вариативность. Например, трудно найти в каком-либо тюркском языке девять лексических средств для передачи понятия «петух» — *хораз*, *адакъа*, *къычырычу*, *къызылбаш*, *тауукъ эркек*, *къыттай*, *гугурук*, *гугурукку*,

где отражены и стилистические, и региональные, и диалектные особенности языка.

Также значительное влияние на состав словарного фонда оказали арабо-персидские формы. Если карачаевцы и балкарцы в сферах материального производства пользовались устной формой родного языка, то в духовной жизни — в процессах богослужения, похоронах и свадебных церемониях — полностью или частично использовали арабский язык. Поэтому некоторые заимствованные из арабского языка элементы вытеснили исконные образцы [17, 664].

Являясь международным региональным языком художественной литературы, персидский язык также существенно повлиял на формирование литературных языков многих [18, 217] тюркоязычных народов [19], в том числе и на нормы поэзии карачасцев и балкарцев [20, 5].

Идея о возможности выделения в составе общетюркской лексики особого пласта, связанного со сферами поэзии, религии и права, а также в самой системе протоязыка формально характеризующих слоев — «просторечного» («народного», «вульгарного») и «благородного» («поэтического», «сакрального») не является новой. Мы эту проблему связываем с гипотезой социально-словной дифференциацией феодального общества [21, 76—84].

Процесс заимствования из русского языка начался через устную речь. Карачаевцы и балкарцы их освоили в соответствии с фонетическими законами родного языка [22, 93]. Например, кружева — *гуржаба*, сход — *ысход*, солома — *салам*, мешок — *машок* и т. п. Подобные образцы по сей день влияют на орфографические и орфоэпические нормы русских заимствований в исследуемом языке.

В годы революционных свершений была сформирована и пушена в обиход ораторская речь, которая оказала большое влияние на становление норм языка средств массовой информации. В последнее время она обрела вторую жизнь и стала активно влиять на орфоэпические нормы лексических средств карачаево-балкарского языка.

В связи с тем, что литературный карачаево-балкарский язык создавался на базе устной речи, нормативный статус приобретает узуальные формы слов. Характер функционирования современного изучаемого языка как в письменной, так и в устной форме — в лекциях,

докладах, теле- и радиопередачах, в публичных выступлениях, — оказывает влияние на стабилизацию норм его лексических систем. Закрепленные в устной традиции такие каноны занимают постоянное место в языковом восприятии говорящих и используются в качестве лексико-стилистических единиц языка.

III. В более древний период становления систем языка мы не можем утверждать об их твердой, стабильной форме. Однако, анализируя известные письменные древнетюркские и собственно карачаево-балкарские памятники, пришли к выводу, что зарождающиеся истоки письменного стиля исследуемого языка уходят своими корнями в руническое письмо. Наряду с этим следует также отметить, что в этот период синкретическое развитие гомогенного разговорного языка было возведено в ранг этнонимического. Эту мысль подтверждает язык арабописьменных памятников, в которых отражены некоторые лингвогенетические материалы, содержащие этнолингвистические сведения. Доказательством дальнейшего расширения сфер письменности являются книги, издаваемые некогда на карачаево-балкарском языке на арабской графической основе. Есть основание считать, что именно с этого периода началось закрепление письменных канонических форм и формирование норм литературного карачаево-балкарского языка.

IV. С началом систематического издания литературы на изучаемом языке постепенно стабилизировались литературные нормы. Новые условия развития языка обусловили процесс дальнейшей стилевой дифференциации и формирование цельной системы стилей. Хотя, как уже отмечено выше, формирование отдельных форм стилей началось в долитературное время, ускорение этот процесс получил лишь в письменный период.

Радикальные изменения экономики, производства, общественно-политической и культурной жизни карачаевцев и балкарцев способствовали появлению новых лексико-стилистических средств. Все это поменяло характер традиционного разграничения пластов лексики с точки зрения активного и пассивного запаса, принадлежность слов к тому или иному разряду, а также эмотивную коннотацию многих словарных единиц. Модифицировались функциональные потенции слов, что, в свою очередь, повлияло на характер лексико-стилистических рядов.

Современное стилистическое расслоение словарного богатства карачаево-балкарского языка представляет со-

бой картину соотношения лексических единиц по их функционально-стилистическим и эмоционально-экспрессивным признакам. Изменения форм узуального словоупотребления в литературном языке повлияли и на сочетаемость лексических единиц, их стилистическую закрепленность, степень лексикализации некоторых производных форм, качество калек и переводных эквивалентов.

Для нынешнего состояния карачаево-балкарского языка стало типичным вариативное словоупотребление, выражающееся в использовании региональных единиц, заимствованных средств, калек, оригинальных вариантов и переводных эквивалентов. Эти черты доказывают подвижность лексики во всех своих основных чертах, что затрудняет ее изучение с точки зрения функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной. Это осложняется и тем, что пока продолжается процесс приобретения некоторыми просторечиями и диалектизмами статуса литературности. Поиск новых лексико-стилистических средств для обозначения новых понятий и подбор наиболее приемлемых форм и вариантов слов идет непрерывно.

V. В связи с тем, что литературные традиции карачаево-балкарского языка являются сравнительно молодыми, многие виды функционального стиля не завершили процесс своего становления.

В современном исследуемом языке функционируют стили художественной литературы (прозы, поэзии, драматургии), учебно-педагогический, научный, разговорно-бытовой, просторечный. Наряду с ними бытуют региональные литературные и диалектные внелитературные стили. В зависимости от ситуации, эти функциональные формы употребляются в письменной и устной речи. Нынешний период развития литературного языка характеризуется формированием стилей радио, телевидения и прессы, которые являются компонентами системы стиля средств массовой информации.

Литературный карачаево-балкарский язык в основном используется в научных, учебно-педагогических и газетно-публицистических статьях — в письменной форме; в лекциях, научных докладах, теле- и радиопередачах — в устной форме.

По функциональным возможностям современного карачаево-балкарского языка адаптация новых лексико-стилистических средств происходит в первую очередь в газетно-информационных и переводных текстах.

Как книжный стиль, являясь языком письма, функционирует и в газетной речи, так и разговорно-бытовой используется и в письменной форме языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбаев Ш. Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963; Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.
2. Закиев М. З. Проблемы языка и происхождение волжских татар. Казань, 1986.
3. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
4. Малкандуев Х. Х. О балкаро-карачаевском тѣре // Мир культуры. Нальчик, 1990.
5. Рахаев А. И. Песенная эпика Балкарии. Нальчик, 1988; Малкандуев Х. Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1990.
6. Кудиев М. Ч. Карачаево-балкарские народные танцы. Нальчик, 1984.
7. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Нальчик, 1970.
8. Малкъар поэзияны антологиясы. Нальчик, 1959; Малкъар халкъ жырла. Нальчик, 1969; Эски къарачай джырла. Микоян-Шарх, 1940; Къарачай-малкъар фольклор. Ставрополь, 1987.
9. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
10. Малкандуев Х. Х. Жанр и поэтика карачаево-балкарской народной лирики (дооктябрьский период). Автореф. канд. дис. М., 1978. С. 5.
11. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
12. Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977; Мусукиев Б. Х. Балкаро-кабардинские языковые связи. Нальчик, 1984.
13. Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов западного Кавказа. Черкесск, 1980; Он же. Венгеризмы в карачаево-балкарском языке // Вопросы сопоставительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1978. С. 1—8; Он же. О чем говорят лексические заимствования: Тюркологический сборник. Черкесск, 1967.
14. Марр Н. Я. Балкаро-сванское скрещение // Доклады Академии наук СССР. Серия В. № 3. Л., 1929.
15. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974.
16. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
17. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
18. Басиков А. И. Развитие функциональных стилей в современном турецком языке // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
19. Бабаев С. К. К вопросу о роли персидского языка в развитии языка балкарцев и карачаевцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7. С. 350—369; Будаев А. Ж. Арабо-персидские заимст-

ования в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7. С. 302—327.

20. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1981.

21. Улаков М. З. История становления и формирования стилей карачаево-балкарского языка // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск, 1990. С. 76—84.

22. Гузев Ж. М. Основы карачаево-балкарской орфографии. Нальчик, 1990.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение.	4
Глава I. История становления и формирования стилей карачаево-балкарского языка	9
Глава II. Смысловая структура слова и стилистическая дифференциация лексики карачаево-балкарского языка	24
I. Функциональный аспект	24
II. Эмоционально-экспрессивный аспект	36
Положительная эмоциональная лексика	40
Отрицательная эмоциональная лексика	44
Глава III. Лексическая норма и лексические варианты карачаево-балкарского языка	53
I. Изменения лексических норм карачаево-балкарского языка	53
II. Лексические варианты и их отношение к норме языка	58
Глава IV. Лексическая сочетаемость слова	67
Сочетаемость слов и лексическая норма	74
Глава V. Стилистическое использование многозначности слова	81
Стилистические функции синонимов и структура синонимического ряда	96
Заключение	105

Улаков М. З.

У Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994.— 116 с.

ISBN 5-7680-0847-0

Данное исследование посвящено изучению стилистических законов лексической системы карачаево-балкарского языка, которые рассматриваются в тесной связи с историей, с социальными условиями жизни карачаевцев и балкарцев.

У 4306010100-074
М125(03)-94 Без объявл.

Научное издание

Улаков Махти Зейтунович

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Редактор Л. П. Голикова

Художественный редактор Ю. М. Алиев

Технический редактор Л. Д. Жарашуева

Корректор Е. Е. Терушкина

ЛКБ № 1 от 30.09.91

Сдано в набор 15.06.94. Подписано к печати 27.10.94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,09. Уч.-изд. л. 6,34. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1807

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Мининформпечати КБР

Нальчик, пр. Ленина, 33